

Казимир ВАЛИШЕВСКИЙ

ИВАН ГРОЗНЫЙ
СМУТНОЕ ВРЕМЯ
ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84Р1
В15

Серия основана
в 2007 году

Валишевский Казимир

В15 Иван Грозный. Смутное время. Первые Романовы. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 1114 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1536-6

Казимир Валишевский (1849 — 1935) — известный польский историк, публицист и писатель, большую часть жизни трудившийся во Франции; отмечен наградой французской Академии наук «за большой вклад в современную историографию». Более 30 лет он изучал историю России XVI — XIX веков. Валишевский работал в архивах Петербурга, Парижа, Лондона, Берлина и Вены. Результатом этой работы стала серия книг «Происхождение современной России», вышедшая во Франции в период с 1892 по 1925 год.

В настоящее издание, содержащее многочисленные иллюстрации, вошли три книги из этой серии — «Иван Грозный», «Смутное время» и «Первые Романовы».

**УДК 821.161.1
ББК 84Р1**

ISBN 978-5-9922-1536-6

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая Россия в преобразованиях Петра Великого и Екатерины Великой уже была вооружена с ног до головы для всех завоеваний, моральных или материальных, приведенных в исполнение в то время или после.

Известно, что в своем творении Петр Великий имел предшественников и явился продолжателем.

Чьим? Непосредственные его предшественники — первые Романовы — правители государства, лишенного всякого сношения с Европой, закрытого для посторонних влияний и не имеющего возможности собственными силами достигнуть хотя бы первоначальной цивилизации. Восходя далее, к последним годам XVI века, мы встречаем «Смутное время», т. е. беспорядок и анархию, варварство и мрак. Между тем, рассматривая ближе, можно заметить, что внезапный свет цивилизации, озаривший Россию в XVIII веке, не есть ее рассвет. Для восходящего солнца этот свет имеет слишком много блеска. Петр Великий не ошибся, и мрак, из которого явился его блестящий гений, был только лишь временным затмением.

Внешнее и внутреннее развитие великой Империи совершалось в таком порядке, какой имеет система снежных лавин.

После долгого промежуточного времени внезапное перемещение центра тяжести обозначает стремление вперед, с некоторыми остановками более или менее продолжительного характера.

Подобное явление повторялось уже несколько раз и, по-видимому, должно появиться еще. Причина его и объяснение очень естественны: совершая великую задачу, предназначенную судьбой, народ неизбежно должен был встречать препятствия и увеличить свои усилия.

В это время и в следующее двадцатилетие прогресс народа задерживается во внутренних делах, а во внешних останавливается на пути, по которому следовал прежде. Это оттого, что деятельность его была направлена в другую сторону: к завоеваниям новых владений, долженствующих еще расширить его границы до китайских морей с одной стороны и до Персидского залива с другой. Оставленные им задачи, тем не менее, зреют медленно, но верно, и берегитесь лавин!

Царь Иван Васильевич Грозный. Картина В. М. Васнецова

Предшественник, последователем которого считал себя Петр Великий, был современником последнего Валуа, и вот к этому-то времени надо обращаться, чтобы раскрыть политические и интеллектуальные начала реформатора. Трудная задача, но лишь таким путем можно прийти к пониманию окончательных результатов. Вот почему я предоставляю читателям этот том. Без сомнения, меня упрекнуть, почему я не с этого начал, но в истории, как и в анатомии, нельзя начинать сначала, с зародыша и клетки, так что в действительности я только следую научному методу.

Итак, с XVI до XVIII века Россия жила почти вне всякого общения с Европой и ее цивилизацией. Но прежде она уже делала усилия, чтобы выйти из этого замкнутого состояния, и то дело, которое вызвало сочувствие Вольтера, зародилось, таким образом, в то время, когда во Франции царствовали Карл IX и Генрих III. С этого времени огромная и варварская Московия начала входить в соприкосновение со своими западными соседями. Но дорога была заграждена Польшей и Швецией; понадобилось более века, чтобы устранить эти препятствия.

И если бы не было Батория, стрелка часов истории сделала бы свой оборот на сто лет ранее. Снаружи приобретение берегов Балтийского моря, уничтожение остатков власти татар, завоевание Сибири и открытие политических и коммерческих сношений со всеми государствами Европы; внутри — введение начал европейской культуры и реорганизация государства на тех началах, которые мы видим теперь, все, что Петр и Екатерина совершили, было задумано, начато и отчасти приведено в исполнение в это первое утро цивилизации, за которым слишком скоро нависли вечерние сумерки.

Кто же это совершил? — Человек, про которого Кюстин пишет, что он перешел все границы зла, дозволенные, так сказать, в той сфере Богом его созданию, преступник, лицо которого кошмар и имя Ужас; соперник Нерона и Калигулы — Грозный! Это самый любопытный пример аберрации в области не только легенды, но и исторической критики.

И прежде всего это имя — Грозный (ужасный), которое я вынужден написать на обложке моего тома, Ivan le Terrible, чтобы обозначить, о ком речь, — не точное имя. Русские нынешнего времени не подозревают об этой неточности, допущенной при переводах на иностранные языки. Немцы не могут решить, как лучше перевести слово «Грозный», — словом *der Schreckliche* или *der Grausame*. Обе версии не точны, но вторая — хуже. Никогда москвичи не называли так Ивана IV в его время. Для них он был «Грозный». Однако обратите внимание на следующее: во время полемики Грозного с Баторием последний упрекнул своего соперника в том, что он окружает себя рындами, вооруженными секирой, во время приема послов.

Грозный ему ответил: «Это чин государский, да и *гроза*», т. е. этого требует мой ранг и уважение, которое я должен внушать. Никогда «гроза» не имела другого смысла.

Обратитесь к «Домострою» — знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, в главе, где говорится об обязанностях отца семьи, от него требуется быть «Грозным», т. е. внушающим уважение и уважаемым. Но что значат тогда убийства, эшафоты, уничтожение человеческих жизней, о чем говорят современники? Знаете ли вы в XVI веке какое-либо государство Европы, одна глава истории которого представляла бы идиллию? В Польше, быть может, где шляхта, с последними ягеллонами, начинала гибельные опыты в духе *noli me tangere*?

Баторий привел в Польше все на некоторое время в порядок. Но в эти времена Московия и Польша были антиподами, и если одна имела успех, а другая нет, — это только потому, что не разбирали средств. Обратите ваши взоры на гигантскую равнину, где работал этот народ, между Уралом и Карпатами, между Черным и Белым морями, и вы увидите, что не лаской, нежностью и благостью можно было смешать, перетереть и слить в нераздельное целое 20 различных рас, составляющих теперь Россию.

Возможно, что при этой работе Иван IV был более жесток, чем нравы его века. Мы об этом еще поговорим позже. Но в легендах и исторической критике эпитет «Грозный» стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенного до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знаком с могуществом слов, последствия не оставляют сомнения; слово наложило ложное понятие на вещи.

Конечно, представление об этом лице и его сподвижниках не может быть отделено от некоторых ужасных сцен, и вам надо приготовить ваши нервы к тяжелым испытаниям; но сквозь эти злоеющие видения вы, тем не менее, заметите то, что я назвал восходом солнца.

В последнем из царствовавших Рюриковичей (не считая Федора, бывшего только тенью) один из вождей школы славянофилов, Кавелин, уже отметил центральную фигуру истории своей страны. С того времени попытки реабилитации этой фигуры множились и доходили до крайностей.

Постараюсь разобраться в этих противоположных позициях и занять сторону истины. Я не считаю возможным предпринять это изучение, не обозрев сначала географических, политических и социальных условий, а также интеллектуального состояния и нравов страны, куда историк не может проникнуть иначе, как в роли исследователя. Первые четыре главы этого тома будут посвящены такому обозрению. За растянутость и подробности прошу меня извинить: иначе я

рисковал быть не понятым, и говорил бы загадками. Этот ключ необходим для большинства моих читателей.

Я мало пользовался неизданными документами. Те документы, которые оказались мне полезными, в большинстве случаев уже опубликованы, частью же совершенно недоступны. Что касается литературы по этому вопросу, то она очень обширна. И я не буду указывать на нее, чтобы излишне не увеличивать произведение. Я должен прибавить, что литературный источник представляет еще сырой необработанный материал. Историку нужно еще поработать, чтобы создать стройное целое.

Пусть мой друг И. Шукин, богатая библиотека и бесконечная любезность которого дали мне возможность выполнить мою задачу, примет выражение моей глубокой благодарности.

Часть первая РОССИЯ XVI ВЕКА

Глава первая СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

I. Древняя и новая Россия. — II. Территория. — III. — Общественные классы. Аристократия. — IV. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма. — V. Крестьяне. — VI. Несвободное население. — VII. Городское население. — VIII. Церковь

I. Древняя и новая Россия

«Налетел на меня многокрылый орел с когтями льва и унес у меня три кедра ливанских: мою красоту, богатство, моих детей. Земля наша опустошена, город наш разрушен, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, где не бывали никогда ни наши отцы, ни деды, ни прародители»...

Так устами одного из своих летописцев свободный, с республиканским устройством город Псков, присоединенный в 1510 году к новой московской державе, оплакивал потерю своей независимости, уничтоженные привилегии и своих сыновей, приговоренных к изгнанию. Отец Ивана Грозного, Василий Иванович, побывав в Пскове, на обратном пути оттуда увез мощный колокол, в течение веков сзывавший жителей на вече; сотни семейств местных жителей переселил во внутренние области своих владений, а на их место переселил москвитян и провозгласил присоединение республики к своему государству.

Это было повторение исторического события, имевшего незадолго до того в Западной Европе. Точно так же Карл Смелый ниспроверг в Льеже знаменитый регион, древнюю бронзовую колонну, у подножия которой в течение минувших веков народ собирался для принятия законов и исполнения разных других актов государственной жизни.

А по соседству с Карлом Смелым боролся Людовик XI с Бургундией, Бретанью, Гиенью, находившимися в вассальной зависимости от него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины французской короны.

Это был решительный момент, когда слагались крупные государственные образования. Этот исторически процесс сопровождался болезненным кризисом. Но здесь, в этом отдаленном северо-востоке, задача «собирателей русской земли», как их называют, была особенно трудна. Дело заключалось не в простом слиянии областей, соеди-

ненных уже и без того близким сходством, общностью традиций, очевидным единством интересов. Представьте себе, что Франция завоевана в XV веке англичанами и какой-нибудь князь бургундский пытается создать монархию, и даже не в Дижоне, а где-нибудь в Германии, Швейцарии или Италии, и это новое государство должно собрать обломки разорванного, разрозненного французского отечества. Таково приблизительно было положение, из которого, благодаря трудам и непрерывным усилиям «собираателей», в начале шестнадцатого века вышел новый мир: Русь Иванов и Василиев.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь в спальном вагоне из Киева в Петербург или из Варшавы в Иркутск.

Киевской Руси в это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Из того, что в десятом и одиннадцатом веке составляло владения Ярославова и Владимиров, государь Московский XVI века не сохранил за собой и пяди земли. Хотя московские государи и называют себя великим князем или царем «всея Руси», но право на этот титул у них было таким же, как и право их современников английских королей, по которому они себе присваивали герб и корону Франции к своей отчизне. Киевская Русь в то время составляла часть польских владений, Могилевская область — литовских, Червоная, Белая и Малая Русь целиком принадлежали соседям. Москва была не что иное, как колония, основанная русскими в чужой, финской земле.

С XI по XIII в. Киевское княжество терзала братоубийственная борьба, происходившая между потомками Владимира Мономаха. В XIII столетии оно подверглось нашествию татар. В следующем XIV столетии после польско-литовских завоеваний от Киевского княжества не осталось ничего. В это бурное время один из наследников Мономаха, Юрий Долгорукий, стал во главе русских колонистов, искавших новых мест.

Он направился на северо-восток через лесные пространства, отделявшие бассейны Днепра и Волги, и на своем пути покорял встречавшиеся финские племена. В этой покоренной стране в 1147 году и была основана Москва. На первых порах этот новый город был лишь походным лагерем переселенцев.

Татарское нашествие застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужим законам и правам. Более двух веков после поражения русских на Калке (в 1224 г.) страну давила тяжесть опустошительной азиатской стихии.

Лишь в конце XIV века, когда обнаружилось постепенное разложение монгольского царства, московские князья почувствовали достаточно сил для того, чтобы свергнуть с себя тяжелое иго. В то же время они начали стремиться присоединить к своим владениям другие соседние колонии и ближайшие, отпавшие от них части древней

Руси. Так создали они себе новую державу, а для Руси — новый центр. С 1478 года находился под их властью Новгород, а в скором времени также Тверь, Ростов, Ярославль. Иван III, справедливо прозванный Великим, присоединил новые области, лежащие за пределами древней Руси, и раздвинул границы своего государства на север до Финляндии, Белого моря и Ледовитого океана, на восток до Урала. Его сын Василий прибавил к этому на юге Рязань и Новгород Северский.

Составляло ли все это *одно государство* в историческом смысле этого слова? На этот вопрос приходится ответить отрицательно — единства между составными частями слагавшегося государства еще не было.

II. Территория

При своем вступлении на престол в 1533 году Иван IV наследует уже значительные владения, но даже в географическом отношении они были лишены единства. Повсюду замечается боевое настроение населения и выступают беспорядки насильственного присоединения земель.

Все эти присоединения представляются в виде какой-то беспорядочной кучи военной добычи. Вокруг нового центра, Москвы, группируются области, постепенно расширяющиеся. Большая часть из них не имеет установленных границ и даже приблизительных очертаний, так что при указании их приходится пользоваться только топографическими данными.

На северо-востоке находились земли нынешней Архангельской губернии, Вологодской и Олонецкой; на северо-западе — Новгородской и Псковской; на западе и юго-западе московскому государству принадлежала область Днепра с современной Смоленской губернией и западная часть теперешней Калужской губернии, часть Черниговской губернии и западные уезды Орловской и Курской губернии. На юге были степи совершенно без установленных южных границ и с северной границей, проходившей по 55 градусу северного параллельного круга, т. е. совпадающей с северной границей теперешних губерний Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконец на востоке владения московского государства составлял бассейн Камы с ее притоками — Вяткой, Чусовой и Белой.

Нужно отметить довольно характерную особенность: Новгород и Псков со своими областями составляют важную часть.

Здесь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живет этими областями и даже зависит от них. Но промышленность была убога, более оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размерами. Живя рыб-

ной ловлей, население этой болотистой, с обширными пустолями, страны мало занималось земледелием.

При таких условиях торговля привлекала значительную часть населения и служила для него главным источником существования.

Товары направлялись от берегов Балтийского моря внутрь страны; по тем же путям в обратном направлении шли местные продукты. На пространстве 282 127 квадратных верст во всей стране насчитывалось только 14 городов. Причем большая часть из них представляли собой небольшие укрепленные пункты-острожки. На обширной же территории в 171 119 квадратных верст Бежецкой и Олонецкой пятины вообще отсутствовала городская оседлость. Встречались лишь поселки с рынками, где производились торговые операции.

Новгород со своими 5300 жилых домов до второй половины XVI века занимает первенствующее положение среди русских городов, за исключением Москвы. В одном Пскове, и только в пределах городских стен, не считая пригородов, по данным того времени насчитывалось 1300 лавок и контор. Но те же документы отмечают одно явление, резко выступающее в русской жизни XVI века: городской торговый класс населения быстро уничтожается, его вытесняют и заменяют военные элементы. В Гдове, где торгово-промышленный элемент более сохранился, чем в других городах, списки 1580—1585 г. отмечают только 14 душ представителей этой категории населения.

Исчезновение торгово-промышленного класса было следствием насильственного присоединения областей московскими князьями. Имущество населения покоренных областей массово конфисковалось, конфискованные предприятия часто передавались в другие руки. Это быстро изменило лицо страны до состава общественных элементов и отношений между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и в своем завоевательном движении и во внешнем росте Москва сохранила свой первоначальный характер — характер военной колонии в покоренной стране.

Иначе не могло и быть. Новое государство, как и все области его, представляет как бы сплошное поле битвы. Границы его с одной стороны недостаточно установлены, с другой — являются предметом постоянных споров. Из крепостей, защищающих его с северо-запада, Смоленск приобретен лишь в 1514 году, но все еще оставался номинальным центром литовско-польского воеводства. Что касается Великих Лук, то их скоро отнимет у Ивана Стефан Баторий. На северо-востоке колонизация продолжает распространяться вдоль берегов Белого моря, по реке Онеге и от северной Двины до Урала. Но и здесь, в так называемом *Поморье*, владения пришельцев ограничиваются морскими и речными берегами. С экономической точки зрения главная роль здесь принадлежит монастырям, являющимися не столько рассадниками благочестия, как центрами военной оккупации. Например, Соловецкий монастырь на Белом море имел соля-

ные варницы и богатые рыбные ловли, содержал свою полицию и даже небольшое войско. Далее на восток от Двины заселение только начиналось. Население рассеяно по бедным рыбацким поселкам. Единственным центром с полугодовой ярмаркой здесь была Лампожня на Мезени. А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынные места.

Следует отметить любопытную подробность.

Укрепленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежний характер временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя *Кремль* был обнесен зубчатой стеной с башнями, но в нем находились только княжеские дворцы, жилища некоторых бояр, несколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла вне этих стен. Город с его деревянными домами, лавками, рынками, каменным *гостиним двором*, выстроенным по образцу Левантского базара, раскинулся далеко во все стороны от Кремля. Торговая деятельность шла в обширных пригородах, совершенно открытых или защищенных простым деревянным забором. Дома и лавки посадов, широко разбросанных вокруг и сливавшихся с окружающими полями, чередовались со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и в обширных слободах, настоящих уже селах, окруженных полями, садами, рощами. По соседству виднелись белые стены оград и золоченые купола монастырских церквей. Этот пестрый полугородской, полудеревенский вид уходил далеко и терялся с глаз у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь исторического развития.

Способ обозначения провинций нового государства, находившегося еще в состоянии образования, соответствовал их переходному характеру.

Тогда говорили: «*заокские, закамские города*», подразумевая под названием *город* всю территорию, прилегавшую к известному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшегося государства, называли «*замосковными городами*». Например, Нижний Новгород, недавно приобретенный московскими князьями от младшей линии Мономаховичей, то имел значение центрального пункта, то относился вместе с Арзамасом и Муромом к окраине.

Между тем для зарождавшейся на северо-востоке новой Руси он был как бы вторым Киевом. Здесь те же удобства и красота положения. Когда англичанин Дженкинс в 1558 году отправлялся отсюда с целой флотилией галер на Дальний Восток, казалось, старое время воскресло и киевские князья собираются пуститься по Днепру и совершить свой «*путь в Греки*». Но все окрестные области до соседнего бассейна Клязьмы были опустошены московским завоеванием.

Страну усеяли развалины. Только Владимир сохранил кое-какие остатки былого величия. Сельское население все же было привязано

Московский Кремль при Иване III. Картина А. М. Васнецова

к земле и не покидало ее, но в городах никого не оставалось, кроме военных отрядов. Это общее явление в новом московском государстве. То же самое замечалось даже в собственно московских областях и обнаруживалось уже в каких-нибудь 100—150 верстах от Москвы. На указанном расстоянии к северу тянется широкий пояс, где военные занятия постоянно совмещаются с мирными. Города Тверь, Ржев, Зубцов, Старица являются здесь стратегическими пунктами. К югу на верховьях р. Москвы и на Оке расположены города Серпухов, Кашира, Коломна, защищавшие переход через эти две реки от угрожавших постоянно набегов степняков.

Далее же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, так называемое *дикое поле*, куда колонизационное движение направилось только лишь во второй половине XVI века.

Таково было владение, к которому в царствование Ивана IV были присоединены вместе с Казанью, Астраханью и их областями земли по нижнему, среднему течению Волги, по Каме, Вятке и по побережью Каспийского моря.

К этим приобретениям после была добавлена загадочная область Казатчины, расположенная между Волгой, Доном, северной частью Донца, низовьями Днепра, представлявшая собой как бы обширный резервуар, куда стекались постоянно из Польши и Московского государства элементы, не поладившие с законом и порядками своего отечества.

Как в том, так и в другом государстве одни и те же политические и социальные законы выбрасывали наружу элементы общественно-го распада, для которых слишком тесны были нормальные рамки существования благодаря трем вечным силам, как создающим, так и разрушающим общественный порядок. Это — дух мятежа, дух предприимчивости, дух свободы.

Что касается общей численности населения московского государства того времени, мы не имеем никаких данных, чтобы определить ее хотя приблизительно. Даже сведения, касающиеся одной только столицы, настолько расходятся, что нет возможности сделать точный вывод из них.

В 1520 году число домов в ней исчислялось 41 500, что дает возможность предположить, что население равнялось по меньшей мере 100 000 душ. Шестьдесят лет спустя после этого посланный папой в Москву легат Посевин считает более вероятным числом населения 30 000. Правда, в этот промежуток времени Москва подверглась нашествию татар, разрушивших ее до основания. Но такой участи подверглось большинство городов этого государства, где военные схватки все еще продолжали вспыхивать от времени до времени, неся с собой разрушение и изменяя лицо края.

С этнографической точки зрения девять десятых страны имели только то русское население, которое оставила здесь прокатившаяся

волна недавнего колониционного движения. Не было необходимости в то время «скресь» русского, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населения везде являлось финское племя.

Завоевания Грозного и его преемников произвели большие изменения в составе государства. Следы этих изменений мы можем видеть до сих пор на карте Кеппена. Но документальных данных, по которым можно было бы определить роль различных этнографических элементов в государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имеем. Эта роль обозначается немного яснее лишь в интеллектуальной и моральной жизни страны, о чем речь будет впереди; в политическом же отношении она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякие следы племенных трений путем удаления и поглощения чуждых элементов.

В социальном отношении разнообразие этнографического состава не проявляется по другим причинам. О московском государстве XVI века нельзя было сказать, что в нем два общества, или больше, живут в союзе или во вражде, так как тогда вовсе еще не существовало обособленных общественных групп.

III. Общественные классы. Аристократия

Среди особенностей, резко отличавших русское государство от Западной Европы, известная школа исторического и политического направления мысли отвечает и подчеркивает отсутствие классовых делений. Другие черты различия заключались в отсутствии в русском государстве феодализма с позднейшим его порождением — рыцарством и его пережитками. Церковь здесь не имеет той светской власти, какой она вооружена на Западе и пользуется ею для борьбы с государством.

Но все эти черты сводятся к одному, указанному уже началу — отсутствию классовых делений в русском обществе.

Подобное явление действительно существует, но оно слишком сложно и в своем проявлении и в причинах, обуславливающих его. Очевидно, что в этой стране, как и во всех других, были сначала богатые и бедные, потом земледельцы и торговцы, городские и сельские жители, — все это различные социальные элементы. Правда, элементы эти не успели еще сложиться в организованные группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла в борьбе с боярами, представлявшими собой аристократию. Кроме бояр, были и другие аристократические группы. Рядом с боярами стояли потомки древних удельных князей. Одни из них происходили от Рюрика, первого русского князя, другие — от первого князя литовского Гедимина. Занимая первенствующее положение в областном управлении, они добивались господствующего положения.

Некоторые из них происходили от старшей ветви той династии, из которой происходили и московские князья, но по младшей линии. Держась кое-где на остатках своих вотчин, они могли громко заявлять свои претензии и не упускали случая сделать это. Они пользовались некоторыми правами и привилегиями, вытекавшими из их прошлого положения независимых государей. Свои права и привилегии они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебник 1497 года, изданный дедом Грозного Иваном III. В нем нет ни малейшего следа всех этих прав и привилегий. Все население, за исключением духовенства, разделяется на две категории, где нет ни малейших признаков социального деления и различия, созданного историческими условиями. Судебник знает только «*служилых*» и «*неслужилых людей*», — вот и все! Законодатель, таким образом, свел на нет историческое прошлое, деспотически распоряжаясь покорной массой населения, он и разделил его на эти две категории, соответствовавшие потребностям государственного строя.

В войске не было ни князей, ни мужиков, ни торговцев, ни земледельцев: были солдаты, дядьки, офицеры. Военнопленных обозначают только номерами по порядку. Население московского государства было как бы в военном плену. *Служилые* — солдаты, помогающие государю «собирать русскую землю». *Неслужилые* — работники, несущие тяжелую повинность доставлять пропитание армии во время похода. Место, звание, занятие каждого были точно определены служебным листом.

Все в ряд: таков приказ.

Никаких исключений для аристократии.

В первой категории служилых находятся бояре, князья, старшие придворные чины и важнейшие должностные лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядом с ними стоят низшие слуги военного и гражданского ведомства: кузнецы, пушкарки, столяры и простые воины. Купцы и земледельцы относятся к другой категории и также безразлично смешиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на них податное бремя. Служилые первого ранга пользуются некоторыми преимуществами: они занимают важнейшие должности, владеют землей; на суде их свидетельству придается больше значения. В случае обиды виновный уплачивает тройную пеню в сравнении с той, какая полагалась, например, за обиду дьяка. Но тот же самый принцип расценки штрафов за преступления против чести распространяется и на все ранги, приспособляясь к степеням и служебному положению.

Остается выяснить, как удалось провести в жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацию общественных элементов. Очевидно, общественные группы были слабо организованы, так как правительство без затруднения разрывало естест-

венную связь между ними и втискивало их в произвольно созданные рамки. Отсутствие сплоченности у московской аристократии при этом выступает очень ясно. В московском государстве, как и на Западе, ядро аристократии составляли придворные элементы. Филологи до сих пор не пришли к соглашению относительно происхождения слова «боярин». Одни производят его от *бой*, другие — от *бол*, *болий*, *больший*. Сначала слово *боярин* обозначало название *дружинников*, которых можно сопоставить с франкскими *антрустионами*, англо-саксонскими *тенами* или *министералами* феодальной Германии. Но на Западе взаимоотношения между государем и его вассалами приобрели устойчивый характер, благодаря феодальному строю землевладения, различию общественно-политических функций; там все это закреплялось и освящалось законом, привычкой, обычаем.

Но в московском государстве те же взаимоотношения имели расплывчатый, неопределенный характер, в зависимости от общей неустойчивости среды.

Сам князь долгое время здесь был в некотором роде кочевником. Дружина же его могла или следовать за ним, или оставить его. Князь мог отослать от себя своих сподвижников и они могли его оставить. Никаких обязательств на этот счет не было. Например, в 1149 году волынский князь отправился походом против киевского князя. Дружина ему изменила, оставила его и он потерпел поражение. Принуждения на верную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжеств, бояре свободно переходили от одного князя к другому, одни из-за личных интересов, другие — просто по капризу. При этом они не теряли никаких прав, так как подобные переходы не считались изменой. Переходившие сохраняли за собой земельные владения и часто отдавали их под покровительство нового князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену, она не замедлила воспользоваться этим обычаем. Она видела в нем превосходное орудие для своей политики объединения, средство вызвать ослабление соседних княжеств и усилиться за их счет. Ставши центром национального притяжения, не имея равных себе соперников среди соседних княжеств, она ничем не рисковала при такой политике: все стекались к ней и никто не думал уходить отсюда куда-нибудь в другое княжество. Мало-помалу солнце Москвы притянуло к себе и поглотило осколки мелких светил, которые его окружали.

Так из того, что было выброшено другими, в руках московских князей образовался слишком мягкий, податливый материал, из которого можно было лепить *что угодно*.

Окружавшие теперь московского князя бояре не были больше его сотоварищами, разделявшими с ним вместе опасности и победы, они были побежденными, как бы пленниками, оторванными от родной почвы.

Вся аристократия новой северо-восточной Руси, не исключая и той части ее, которая по-прежнему сидела на родовых поместьях, не имела в себе достаточной прочности. Для образования наследственной давности прошло слишком мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократия. В феодальных государствах в создавшихся отношениях между сувереном и сеньором, сеньором и сельским населением была полная аналогия и можно сказать, что вассалитет и серваж взаимно друг друга дополняли. Московская же аристократия была в других условиях. Она терялась среди свободного населения, которое в лучшем случае соглашалось работать на крупных земле-владельцев заделью, да и то вечно торговалось, вступало в споры.

Как бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этим зыбким материалом и даже придавала ему известную устойчивость в военной организации.

IV. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма

Относительно происхождения и характера московской государственной власти существует несколько различных взглядов. Историческая школа, о которой я уже упоминал выше, считает ее органическим явлением, обусловливаемым характером этой ветви славянской семьи, которую судьба перенесла с родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этот строй, в котором проявлялся дух русской народности, соответствовал особенностям нации в области государственного устройства и обеспечивал жизнеспособность созданных ею политических учреждений. Другие славянские государства, организованные на иных началах, иногда были в блестящем состоянии, но оно было кратковременным, благодаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усилению аристократии.

Но откуда же явилось у славянской колонии северо-востока расположение к этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забелин объясняет развитие самодержавия в московском государстве влиянием Восточной церкви; в учении ее принцип неограниченной патриархальной власти получает полное развитие и освящение. Некоторые же другие историки указывают на влияние финского элемента. Но приведенные взгляды историков нельзя считать более или менее удачно разрешающими вопрос. Все они не выдерживают критики.

Влияние церкви было таким сильным и даже более энергичным в киевский период древней Руси, и между тем не видим здесь того сильного единоличного самодержавия, какое развивается в московском государстве к концу XV века. В византийских хронографах, в

исторических данных Прокопия, императора Льва, Дитмара Мерзебургского мы встречаем указание, что у славян существовали народные собрания и обладали или полнотой власти, или хотя некоторыми ее прерогативами. Русские славяне не представляли собой исключения.

По свидетельству Нестора, они даже совсем обходились без княжеской власти.

Позднее, в одиннадцатом веке, мы находим те же самые демократические учреждения в Киеве, Новгороде, Смоленске и Полоцке. Вече (*вече* производное слово от глагола *вещати*) функционируют на всем пространстве русской земли, хотя компетенция их и не везде одинакова. В одних местах им принадлежит вся верховная власть; в других они пользуются только правом избрания князя. Более или менее широкое участие их в политических функциях власти существовало везде. Сохранение их прав обеспечивалось договорами — *рядами* с князьями и грамотами последних.

Самодержавие в своей первоначальной форме не было синонимом абсолютной власти. Московский *самодержец* — это двойник византийского autocrat'a, но власть византийского самодержавного императора разделялась между ним и духовенством. Московское духовенство также долго считало *самодержавие* символом независимости от иностранных государств. Если не народные, то, по крайней мере, права церкви здесь оставались еще нетронутыми. Тем не менее название *самодержавный* могло повести к опасному смешению понятий, что и случилось сначала на северо-востоке страны, где князья Суздальские и Рязанские силой установили династическое наследование престола на основании первородства. Таким образом, был нанесен удар народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появления татар на Руси принцип народовластия сильно пострадал. Оно сохранилось только кое-где в виде исключения. В полной неприкосновенности оно осталось только в Новгороде и Пскове почти до конца XV века; в других же местах оно было или совсем уничтожено, или подверглось существенным ограничениям еще в начале XIII века.

Монгольское владычество оказало на усиление московского самодержавия не больше влияния, чем Византия. Правда, в отношениях между правителем и подданными оно внесло существенные изменения. Раньше положение князя зависело от народа, теперь оно обуславливалось капризом нового владыки-хана. Теперь путешествие на берега Нижней Волги с богатыми подарками имело больше значения, чем народное избрание. Князь возвращался из путешествия с ярлыком, избавлявшим его от необходимости искать другой способ достижения власти. Флорентийская уния и падение Константинополя оказали влияние в том же направлении. До конца XIV века церковь знала только одного царя. Это был император византий-

ский. Московское духовенство поминало его в молитвах при богослужении «*императором русским*» и «*государем всего мира*». После указанных событий нужно было перенести этот титул на кого-нибудь, и естественно, московские князья получили его.

Все эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имели решительного влияния на ход вещей. Что же касается влияния на организацию русской государственной власти финского элемента, то отсутствие его очевидно. Правда, бывают случаи, когда покоренные передают победителям свои порядки и нравы, но это возможно только лишь в том случае, когда побежденные стоят в культурном отношении выше своих победителей. Подобное предположение вполне допустимо. Но нужно принять во внимание, что русские колонисты тринадцатого и четырнадцатого века, хотя и были варварами, все-таки стояли выше в культурном отношении тех финских племен, с которыми им приходилось сталкиваться во вновь заселяемой стране. Не одной же ведь только численностью покоряли они их.

Ключ к разрешению загадки, на мой взгляд, заключается во взаимодействии двух отмеченных уже явлений: отсутствии расчленения в русском обществе и его военном переустройстве, какому оно подверглось, благодаря обстоятельствам, сопровождавшим его первоначальное образование и развитие в новом северо-восточном государстве. Русская колонизация долго продолжалась в чужой стране; переселенцы были окружены врагами. Князь был начальником войска и естественно пользовался своим выгодным положением, чтобы уменьшить и без того незначительную связь между общественными элементами. Последние своей слабостью сами помогали усилению его всемогущества.

Но подобные явления наблюдались и при образовании других государств. Особенностью процесса развития русского государства было то, что оно одновременно переходило и к формам высшей цивилизации. Это исключительная черта в развитии русского общества. Долго находилось оно вдали от европейской жизни. Затем ему пришлось быстро усваивать плоды культурных завоеваний, даже такие, которые находились в полном противоречии с его родным отсталым политическим и социальным строем. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованиям нормального прогресса. Просветительное движение, питавшееся чужими плодами, в некотором роде способствовало само по себе развитию абсолютизма, давая единоличной власти такие средства, каких не сыскать в варварском обществе. Иван IV был человек просвещенный и поэтому он был опаснее Людовика XI. Иван будет воздействовать на души своих подданных, чтобы засадить их за железную решетку своей тюрьмы, где связанная Россия должна будет мучиться в продолжение целого века.

Легко проследить, как создавалась эта темница. Москва старалась привлечь к себе как можно больше людей из соседних княжеств;

когда же в ней оказалось значительное число послушных и исполнительных слуг из таких пришельцев, государи московские поспешили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались в своих интересах. С другой стороны, соседи их теперь им только помогли достигнуть намеченной цели. В своих интересах они уже успели сделать кое-какие ограничения в этом роде. Решительный шаг в этом направлении сделало мнимо либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще немало числится подобных ошибок; я не касаюсь современности. В 1368 году Новгород запретил гражданам уходить с его территории под страхом лишения прав собственности на всякое имущество, какое может там остаться. Москве ничего не оставалось сделать, как только последовать этому примеру. Самый принцип пока еще щадили. Но при Иване III начали сажать в тюрьму тех из его «слуг», кто казался недостаточно надежным. Чтобы вернуть себе свободу, подвергающийся подозрению мог и не отказываться от своего права, правительство делало вид, что само его охраняет, и он только давал обязательство, что впредь не воспользуется им; иногда же от него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этих деталях, потому что иначе дальнейший ход истории нации может показаться совершенно непонятным. Иван IV широко пользовался разного рода прецедентами. Он даже установил для служилых людей нечто вроде круговой поруки в верности ему.

Князья и бояре были прикреплены таким образом к месту и ограничены тесными рамками, но тем не менее все еще сохраняли некоторую политическую и социальную автономию, основанную на знатности их происхождения и на владении старинными вотчинами или хотя бы остатками вотчин и удельных земель. Здесь они сохраняли еще некоторые верховные права и многие привилегии. Московское правительство пользовалось средством двух родов, чтобы уничтожить их.

Во главе новой иерархии не ставились потомки Рюрика и Гедимины, предпочтение отдавалось простым «слугам» государя, помогавшим раньше собирать русскую землю. Незнатное происхождение, хотя бы от простого конюшего царского двора, не составляло препятствия к занятию высокого поста. В этой новой, только зарождавшейся служебной аристократии отсутствовал кастовый, корпоративный дух, что облегчало задачу правительства. Другое, более действенное средство, к которому прибегало правительство — это конфискация земельных владений. Эта система здесь, среди разлагавшихся древних княжеств, применялась слишком широко и энергично и способствовала накоплению в руках правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но с таким расчетом, чтобы новое *служилое* землевладение не имело ни-

чего общего по своему характеру с древним. Это были и не уделы, и не вотчины, а простые поместья, как показывает само название земли, дававшиеся в виде вознаграждения за службу соответственно занимаемому месту. Поместья были в пожизненном владении и по наследству передавались только лишь в том случае, когда наследник-помещик принимал на себя все служебные обязанности своего предшественника, Поместья, как и вотчины, были свободны от налогов, но зато на них лежала наиболее тяжелая повинность, именно — государственная служба. Это нечто аналогичное с феодальными владениями Западной Европы, но с существенным отличием от него. Тогда как на Западе лен давался за добровольную службу, в Московском государстве поместье давалось за службу и без того обязательную. В итоге здесь не создалось корпоративной аристократии. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и в том отношении, что постепенно сглаживалась разница между древним удельным или вотчинным владением и новым его типом — поместным. При таком порядке вещей вотчинник и помещик сливались в одну массу.

При временном, изменчивом характер поместного землевладения размеры его были довольно ограничены. Иногда величина поместья не превышала тридцати десятин. Кроме того, часто наделение даже такими скромными поместьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивным. В 1570 году 168 душ *«детей боярских»*, так назывались лица, которые не унаследовали от своих знатных предков почетного титула, связанного с определенным служебным местом, были записаны на службу в Путивль и Рыльск. 99 из них, за неимением свободных поместий, не получили ничего. В то же время и по той же причине одному из таких *«бумажных помещиков»* не хватило 74 десятин из пожалованных ему 80 и таким образом он получил всего лишь 6.

Благодаря этому служилые люди по образу жизни, по домашней обстановке, одежде, пище очень мало отличались от простых крестьян; иногда материальные средства их были хуже, чем последних. Что касается высшей знати, то она занимает важнейшие должности и получает соответственное жалованье, живет она в деревянных, выстроенных по одному образцу, домах. Многочисленные пристройки, крылечки, теремки, затейливые крыши, службы придавали им внушительный вид. Внутри же эти покои разделялись на несколько изб, с деревянными полами, которые ежедневно выскабливаются и выметаются. Снаружи при входе лежала куча сена для вытирания ног. В горнице на видном месте стояла посуда, чаще оловянная, чем серебряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдинами заключалась в том, что первые считали нужным окружать себя большим числом слуг: поваров, пекарей, садовников, портных и разного рода других ра-

ботников. Тут же встречаются и дворовые люди, положение которых как будто выше положения других слуг, но вместе с тем оно не завидно. Обязанности их заключались в том, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пешком или на лошади, находиться при нем в дороге и дома во время деловых занятий и забав. Я чуть было не позабыл о приказчике, самом необходимым для помещика из всех его слуг. Хотя бы имение помещика состояло всего только из нескольких десятин, он не может обойтись без alter ego, тем более, что для него нет возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляет ему средства к жизни. Даже если бы он и захотел своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, так как с раннего детства и до глубокой старости все время его было занято военной или гражданской службой своему государю. Служилый человек должен был быть мастером на все руки. Вот его призывают на войну. Он берет с собой мешочек пшена, несколько фунтов соленой свинины, немного соли, смешанной с перцем, если только его средства позволяют ему приобрести эту, вообще высокоценимую и относящуюся уже к предмету роскоши, приправу. Вместе с провизией он берет с собой топорик, трут, медный котелок — и он вполне снаряжен. В походе он обойдется без своего приказчика. По возвращении на родину он найдет, быть может, свое имение опустошенным или, по крайней мере, обворованным его же приказчиком, и будет подбирать апельсиновые корки и объедки тыквы, выброшенные на дорогу из кареты каким-нибудь проезжим иностранцем, как описывает Герберштейн, но он не выйдет из своего дома, хотя бы для того чтобы постучать в соседнюю дверь, без своей лошади и нескольких слуг.

Таково положение служилого человека. Нередко он желал бы расстаться с ним и слиться с другой категорией людей «неслужилых», которые не несут таких тяжелых повинностей, как он, и живут гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, с которой он связан неразрывной цепью. Понятия о корпоративной чести отсутствовали. В действительности демаркационная линия между служилыми людьми проводилась только лишь служебным списком. Кто-нибудь из «боярских детей» имеет братьев, которые по какому-либо случаю не попали в служебные списки, живут, как простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь из тех же «боярских детей» поступал к кому-нибудь из знати в качества простого портного.

Даже на вершине новой служебной иерархии замечается отсутствие чувства солидарности, завещанного аристократическими связями прошлого или выработанного общностью новых служебных обязанностей и положений. Оно постепенно изменяется и исчезает среди вечного произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются с одного места на другое и из одного состояния переходят в

другое, с низшей ступени служебной лестницы на высшую, из последнего ранга в первый и наоборот.

Происхождению и служебным степеням значения не придавалось. Все смешивались, и сегодняшний псарь завтра мог оказаться равным с самым знатным боярином. Смешиваясь с этой толпой «слуг» низшего происхождения и не чувствуя ни кровных связей, ни общих традиций и интересов с ними, потомки Рюрика и Гедимины скоро сами утрачивают если не гордость и воспоминание о своем происхождении, то, по крайней мере, стремление защищать, возвышать и высоко ценить свою новую службу, разделяемую с такими товарищами.

Так совершающийся процесс развития повторяется и в других слоях этого общества, лишенного единства. Ход его еще яснее заметен в судьбе другого класса — крестьян.

У. Крестьяне

То, о чем я собираюсь говорить здесь, представляет собой печальное явление.

Ребенком я еще видел последние дни режима, исчезнувшего в России полвека тому назад. Акт освобождения крестьян в 1861 году казался тогда запоздавшим актом справедливости и политического благоразумия. В действительности же он был преждевременным и успешным, так как уничтожаемый им порядок вещей существовал всего лишь два с половиной века.

В противоположность тому, что совершалось во всех других государствах Европы, в России крепостное право явилось не пережитком варварских времен, а явлением, возникшим на почве новых отношений при переходе государства к европейской цивилизации. В некотором смысле оно парадоксальное следствие новой фазы национального развития русской жизни.

Парадокс этот — несомненный факт. К концу шестнадцатого века, когда во всех европейских государствах, не исключая и соседней России Польши, связи между крестьянами и владельцами земли разрывались или, по крайней мере, ослабевали, когда под влиянием новых социально-экономических законов рушился феодальный мир, — в России в это время напротив выковывались цепи, которые здесь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьян занимала покоренные или колонизированные земли и была, по крайней мере, формально свободна. Можно сказать, что положение их даже несколько улучшилось по сравнению с прежним. Прежде их называли *смердами*, что служило обозначением презрения к ним и было позорным (*смердит* — неприятно пахнет). Теперь же они получили другое общее название, указывающее на рост их социального достоинства, а также сви-

детельствующее и об отсутствии корпоративного обособления, что является характерным признаком отношений того времени между общественными элементами этой страны. Живут ли они в деревне или в городе, обрабатывают землю или посвящают себя другим занятиям, их называют *крестьянами*, т. е. *христианами*.

Они образуют главную массу земледельческих и промышленных рабочих. Обрабатывал ли крестьянин землю собственную или же такую, которая принадлежит ему только частью, он лично и его труд оставались свободными. В первом случае он располагал землей совершенно свободно, лишь бы уплачивал причитающиеся с него налоги в пользу государства или общины, от которой он зависел. Во втором случае он являлся фермером или арендатором и уплачивал за пользование земельным участком владельцу известную сумму, согласно договору. Условия и арендная плата были не везде одинаковы и зависели от местных обычаев, качества и действительной стоимости земли, а также и от юридических свойств занимаемой земли.

Одни из земель назывались *белыми*, т. е. свободными от государственных налогов, другие *черными*. На последних лежало податное бремя. К первым принадлежали вотчины и поместья, ко вторым относились земли дворцовые и крестьянские. Земельные владения церкви относились то к одной, то к другой категории, в зависимости от условий, создаваемых для духовенства, и от того, к какому разряду относились приобретаемые им участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на более продолжительное время, в зависимости от севооборота. Договоры такие были очень часты по всему северу и в центре края. Лица, приобретшие право пользоваться землей, в большинстве случаев пользовались значительной свободой действия. Другие же договоры создавали для землевладельца повинности, напоминающие обязательства английского *Sveman*'а. Он должен был рубить лес для помещика и перевозить в его усадьбу, иногда уплачивать при выдаче замуж дочерей некоторую сумму, по образцу французского *formariage*'а. Обычай требовал также, чтобы каждый из держателей земель делал некоторые подарки ее владельцу к Рождеству, Пасхе и другим праздникам.

Все эти специальные повинности носили название *барщины*, *изделя* или еще *боярщины*. В них можно видеть зародыш будущих, увы, уже рабских отношений. Барщина и другие повинности имели в то время некоторое основание в том, что крестьянин часто получал от помещика ссуды деньгами, земледельческими орудиями и семенами. Все взятое он должен был возратить вместе с процентами.

Цены на пользование землей были очень различны, и трудно установить их размеры. В центральных областях плата за *обжу* или *выть* (пятьдесят десятин) — достигала в середине шестнадцатого века 1—2-х рублей. Но часто денежная плата заменялась отработкой. Держатель, например, *обжи* должен был за нее обработать владельцу

одну или полторы десятины. Остается установить относительную цену рубля в эту эпоху.

По сопоставлению цен на хлеб, он равнялся почти 100 современным нашим рублям. Но это определение слишком проблематично.

На *черных* землях, принадлежавших государству, плата за землю заменялась налогами и повинностями, вполне соответствовавшими ей, но вообще менее тяжелыми. На *белых* и *черных* землях, принадлежащих церкви и особенно монастырям, условия землепользования обыкновенно были более легкими.

Крестьянин, на чьей бы земле он ни сидел, мог свободно оставить ее, лишь бы только покончить расчет с ее владельцем. Точно так же, последний мог передать ее другому крестьянину по окончании контракта. Подобные явления встречались сплошь и рядом. Чрезвычайная подвижность населения издавна была характерной чертой русского государства; в это время она даже несколько усилилась. Но уже с XIV века эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограничению. Сначала установился обычай, что помещик не мог воспользоваться своим правом во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своим. Иван III установил большую определенность в отношениях между владельцем и крестьянином. Время и двухнедельный срок для взаимных расчетов были приурочены к Юрьеву дню (17 ноября). С этого времени крестьяне при переходе начинают уплачивать владельцу земли так называемое *пожилое* в размере от 65 копеек и до рубля шести коп., в зависимости от ценности участка. Таков был закон. На практике он, конечно, часто нарушался. Рабочих рук было мало, и их разыскивали повсюду. Как князья переманивали друг от друга себе «слуг», так и помещики переманивали крестьян. Часто это производилось насильственным способом и называлось *свозом*. Нередко крестьянина удерживали на прежнем месте под предлогом неплаты каких-нибудь повинностей. Но, несмотря на эти стеснения и ограничения, свобода оставалась свободой.

Положение крестьянина, без сомнения, было тяжело. Он выполнял повинности перед помещиком и общиной, вносил подати на судопроизводство. Причем плата за пользование землей все увеличивалась. В своей книге о русском сельском хозяйстве в XVI веке Рожков рассчитал, что в северных областях около половины крестьянского урожая поступало в пользу помещика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину со своей семьей. Разведение скота или какой-нибудь мелкий промысел помогал только кое-как сводить концы с концами. Крестьянин был очень беден, но он, как древний англосаксонский *seofl* или германский *Markgenosse*, в юридическом и административном отношении был равным до некоторой степени с боярином, купцом и духовенством. Судебные учреждения были общими как для него, так и для лиц

других сословий. Причем в тяжбе с лицами иного сословия, подчинившимися особой юрисдикции, крестьянин, наравне с другими, мог требовать для себя того суда, которому он подлежал по закону. К тому же крестьянин пользовался некоторой долей самоуправления в среде сельской или городской общины, которая еще в недавнее время служила предметом испытания проницательности историков. Я еще вернусь к этому вопросу при более основательном рассмотрении подробностей организации государства.

Как я уже упоминал, не все крестьяне занимались земледелием. В документах этого времени часто встречается разделение крестьян на *палатных* и *деревенских*. Что же представляли собой эти *деревенские* крестьяне? Документы относят к этой категории мельников, портных, сапожников. Здесь еще раз выступает отсутствие корпоративной организации, смешение социальных элементов; исключение составляет только церковь.

Итак, в деревнях есть крестьяне, не занимающиеся обработкой земли, а в городах встречаются крестьяне-земледельцы. В деревнях крестьяне из первой категории часто примыкают к загадочному разряду *бобылей*, хотя это некоторыми оспаривается¹. Бобыли — это крестьяне без земли. Иногда они обрабатывают землю, но в качестве батраков. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смешивающиеся с другими разного рода общественными отбросами — казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. В несении налогового бремени бобыли принимали участие, и было бы крупной ошибкой считать, что в этом отношении они составляли исключение и отличались от *тяглых* (от слова тянуть, т. е. нести податные повинности).

Земли иногда еще освобождались от налогов особыми грамотами на время или навсегда, но это составляло исключение. *Тянуть же тягло* — было общим правилом данного времени. Платили везде и за все. С бобылей также взимались платежи и повинности с дома и с ремесла, которым они занимались. Не платили они налогов за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этим делом в пользу других. Это единственное различие между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладельцами.

В бобыли можно было попасть или по несчастью, или по доброй воле. Но ничто не удерживало в этом незавидном положении, и с ним легко было расстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться к тому положению, в каком находились остальные крестьяне. В XVI веке количество бобылей среди сельского населения колеблется от 2,4% до 41,6%. Цифры более низкие относятся к монастыр-

¹ См. по этому вопросу книгу Дьяконова «Очерки по истории сельского населения в России», 1889 г., стр. 209, и Сергеевича «Русские юридические древности», 1903 г., III т., 133 и след. стр.

ским владениям. В следующем веке это отношение изменилось благодаря влиянию смуты, терзавшей наследие Грозного. Население сделалось еще более подвижным, и одни только монастыри более или менее удерживают рабочие руки, привлекая из сел и деревень массу бобылей и других земледельческих элементов, так называемых *монастырских детенышей*. Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство в русском государстве, которое до половины XIX века являлось последним оплотом крепостного права в Европе? На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Но в XVI веке несвободный элемент составлял едва заметную часть населения.

VI. Несвободное население

Даже в позднейшее время обращение военнопленного в рабство признавалось на Руси естественным правом победителя. Кроме того, рабство имело еще и другие источники, как-то: выход замуж за раба и рождение от такого брака, несостоятельность должника, выполнение некоторых обязанностей по домашней службе и добровольное согласие стать рабом. До XIV века должность *тиуна* (княжеского ключника) была связана неразрывно с лишением личной свободы. Несостоятельный должник до XVII века становился рабом своего кредитора до тех пор, пока не погашался полностью долг. В XVI веке к этим источникам рабства присоединился еще один — нового происхождения, так называемая *кабала*. Это арабское слово обозначает такой договор, когда занимавший деньги, обязывался уплатить их с процентами посредством отработки. Сам по себе такой договор не влечет за собой потери свободы, так оно и было в Германии и южной Италии. *Кабальный* мог освободиться, расплатившись. Но в России кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся история сложившегося здесь рабства полна примерами таких фактов.

Законы Ивана Грозного перечисляют четыре категории рабов: полные *холопы*, такие, которые обращены в безусловное рабство, распространяющееся и на их потомство; *холопы старые*, т. е. утеравшие свободу в силу давности по каким-либо условиям, *холопы кабальные* и, наконец, *докладные*, утеравшие свободу по *докладу* — особой формы договору, свободно заключенному. Констатируя положение, созданное прошлым, законодатель старается смягчить это завещание варварских времен, стремится ограничить условия перехода во многих случаях. Вступив в общение с Западным миром, Россия, казалось, склонна была вместе с другими плодами цивилизации усвоить и свободу. Мы не имеем документальных данных и не можем представить точных цифр, но, основываясь на косвенных указаниях, приходим к заключению, что вопрос об избавлении от рабской

зависимости касался самой незначительной части трудового населения.

Эта была эпоха, за которой последовало всеобщее порабощение народа. Как же это случилось? Почему произошло такое странное извращение в ходе развития уже определившихся отношений?

До последнего времени вся тяжесть ответственности за введение на Руси крепостного права, по общему мнению, должна была пасть на правительство конца XVI века. По наиболее распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокий и печальный переворот в юридическом и социальном положении трудящихся масс. Теперь этот ошибочный взгляд оставлен. Крепостное право здесь, как и в других местах, явилось продуктом времени и особенного политического и экономического состояния государства. Нет надобности для объяснения этого факта прибегать к туманным построениям славянофильской доктрины.

По мнению Кавелина¹ крепостное право есть естественное, логически неизбежное следствие всей организации русского государства, основанной на принципе патриархальной власти. С этой точки зрения оно носит скорее характер благодеяния. Встречавшиеся иногда случаи жестокого обращения обуславливались всеобщей грубостью нравов, но никак не принципом.

Власть одного человека над другим представляла собой только вид опеки и основывалась не на силе господина, а на слабости опекаемого, нуждавшегося в опоре, защите и руководительстве. Но эта гипотеза не объясняет нам, почему именно в период государственного развития замечается увеличение массы социально обездоленных и ухудшения их тяжелого положения, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожиться, то, по крайней мере, ослабеть. Между тем, в действительности, как рисуют ее исторические факты, мы видим другую картину. В истории русского населения XVI века замечаются два крупных явления: это быстрое исчезновение крестьян-собственников и внезапное обеднение всего вообще крестьянского населения.

И вот последствия: с одной стороны, масса трудящихся — земледельцев и других, — не находя больше средств к пропитанию, решаются отказаться от своей свободы, чтобы не умереть с голоду. С другой — огромное количество крестьян, сидящих на чужой земле, не в состоянии уже расплатиться с владельцами и таким образом теряют существенное право, от которого зависит их свобода, право перехода к другому помещику по истечении договорного срока. Одни, утратив кормившую их землю, должны были или просить милостыню, или идти в холопы. Другие не в состоянии возратить владельцу за-

¹ Сочинения, I, 630.

нимаемых ими участков земли полученную от него в той или иной форме ссуду. В большинстве случаев крестьянин при вступлении в пользование участком земли получал ссуду, равнявшуюся 3 рублям. По истечении 10 лет он обязывался возратить вместо 3 руб. — 30 руб. и, кроме того, уплатить 56 коп. или 1 р. 06 коп. *пожилого*. Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

В большинстве случаев сделать одновременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Так создавалось препятствие к переходу к другому владельцу. Непрерывно растущий долг, *серебро*, как его называли, обращался в обязательство, прикреплявшее крестьянина к земле. В конце концов эти *серебряники* сливались с простыми рабами — *холопами докладными* и *кабальными*. Точно такова же была история несостоятельных арендаторов, сидевших на римском *ager publicus*, как изображает в своих исследованиях Фюстель де Куланж.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьян, но она на практике с половины XVI века сделалась привилегией землевладельцев и все более и более уменьшающейся группы незадолженных крестьян, сидевших на чужой земле.

Что же послужило причиной этого общего обеднения земледельческого класса? Не трудно угадать. Военное положение обходилось слишком дорого. Я уже указывал, какую боевую организацию создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военные силы, оно должно было соответственно увеличивать и расходы.

Приходилось, прежде всего, платить вознаграждение «служилым людям», которые все в большем и большем количестве призывались под знамена. Затем, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западноевропейских государств, правительство должно было делать расходы на новое иностранное вооружение, экипировку и уплату жалованья иностранцам, набиравшимся в русские войска из разных европейских стран. Откуда же было брать средства для этого?

Единственным источником обложения, единственным доступным для пользования богатством края была земля. На нее-то и легли все эти новые тяготы. Что бы наделить *служилых* поместьями, правительство уменьшало владения крестьян; чтобы наградить иностранных мастеров, оно облагало податями помещиков, которые старались выжимать побольше с крестьян, сидевших на их земле. Земля отвечала за все, покрывала все расходы. Она стала как бы государственной монетой, на которую разменивались труд, служба военная и гражданская и всякого рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь в руках вотчинников, она здесь не считалась предметом полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взгляд, что земля является, в сущности, достоянием государства. Переход ее в частные руки допускался в известных пределах, но верховное право на нее сохранялось за государственной вла-

стью. Сами землевладельцы оказывались в полной зависимости от государя. При отсутствии корпоративной организованности, что я уже раньше отмечал, они не в состоянии были оказывать ему серьезное сопротивление и защищать свои интересы.

Так своей слабостью или покорностью они способствовали развитию системы, от которой сами же страдали. Более же строптивым оставалось одно средство — бегство за пределы досягаемости. Это характерная черта русского человека — скрыться, уйти прочь, но только не бороться с невыносимыми условиями. Мы еще увидим, как проявилась в истории эта черта. Крестьяне прибежали к вышеуказанному способу защиты в количестве еще более значительном, чем помещики. Для них бежать было и легче. За помещиками и вотчинниками более следили. Отправляясь в соседнюю Польшу искать себе счастья, они подвергались большим случайностям и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а там за нею тянулись бесконечные пространства, где его гостеприимно встречала свободная от всяких налогов и повинностей девственная земля.

В XVI веке, с самого начала его, земледельческое население русского государства бежит, оставляя землю необработанной. Явление это становится общим и принимает размеры настоящего национального бедствия. Государство чувствует, что это подрывает его основы и считает нужным вмешаться. Оно обращается сначала к более угнетенным. Определенных планов пока еще не замечается, но уже с половины XVI века проведен ряд мер, если и не в законодательном, то в административном порядке и путем целого ряда судебных решений. Меры эти имели целью сделать неподвижным налог и таким образом удержать население на *черных* дворцовых землях. Сидевшие на чужой земле были еще свободны оставить свой участок, но с тем условием, чтобы в другом месте, куда они перейдут, несли такое же, как и прежде, или высшее *тягло*. Затем очередь дошла до *белых* земель, находившихся во владении служилых людей. Крестьяне убежали и разорили помещика, а разоренный помещик оставлял государство в убытке.

Правительство, не прибегая пока к общим мерам, старалось упрочить положение помещиков и обеспечить себе регулярность их службы путем частных местных распоряжений. Помещику, например, в виде исключения предоставлялось право задерживать поселившихся на его землях крестьян, а также разыскивать и возвращать их к себе в случае бегства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вехи будущей решительной, коренной реформы.

Две грамоты, данные братьям Строгановым в половине XVI века, ознаменовали собой решительный шаг правительства на этом пути. В грамотах было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на место беглых крестьян, если они оказались в обширных об-

ластях, отданных им для колонизации. Сюда, в отдаленные, дикие степи направлялось из центра население, разрушая таким образом экономическое благосостояние государства и его военную силу. Некоторые полагали, что с половины XVI века общим мероприятием был запрещен свободный переход только для известной категории крестьян — так называемых *старожильцев*, т. е. земледельцев, уже давно сидевших на занимаемых ими участках.

Однако, вопреки мнению Дьяконова и других историков, Сергеевич решительно опроверг эту гипотезу¹. Вопрос о рабочих руках и о поземельном обложении сыграл здесь решающую роль. Он породил то чудовище, которое носило имя *крепостного права*. Одно рабство имело следствием другое: служилый человек, запертый в железной клетке, втолкнул в нее крестьянина, за которым в свою очередь туда последовали купец и духовенство. Мы уже видели, что городское население ничем не отличалось от сельского. В этом заключалась целая пропасть, отделявшая Россию XVI века от других европейских государств.

VII. Городское население

На Западе успехи торговли и промышленности привели к организации городского населения в корпорации, вооруженные для борьбы с феодализмом. В среде этих групп, благодаря солидарности их членов между собой, выработался тот дух свободы, который царил над всем устройством самоуправляющихся общин; развилась материальная и умственная деятельность, откуда вышли высшие формы экономической жизни: накопление капитала, учреждение кредита и высшие формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россия не знала ничего подобного и, быть может, именно отсутствие этих центров жизни и общественной позиции способствовало образованию и укреплению введенного в государстве деспотического строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и город здесь не являлся естественным следствием их развития. Долгое время город, как показывает само название (*город*, огороженное, укрепленное место), имел совершенно иное назначение. В самом деле, как мы видели, в Москве промышленная и торговая жизнь кипела вне городских стен, в *посадах* и *слободах*, населенных множеством ремесленников. Последние и по своему положению, и по правам сливались с жившими здесь же с ними и не уступавшими им по численности земледельцами. Только в XVI веке государство решило установить различие чисто фискальное, сводившееся не к различию между двумя категориями населения, а между двумя мес-

¹ «Русские юридические древности», III, 460 стр. и дальше.

тами жительство: горожане должны были платить больше, чем поселяне. Реформа, очевидно, не имела своей целью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Единственной задачей правительства здесь, как и в других местах, было создать высший оклад налогов и сделать его неподвижным. Политико-экономические идеи правительства были слабы и ошибочно далеки от того, чтобы способствовать увеличению этого источника доходов; оно его, напротив, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждом перекрестке таможенного надсмотрщика и на каждом углу улицы сборщика, монополизировало для выгоднейшей эксплуатации все отрасли промышленности и торговли, начиная с продажи ржи, овса, вообще зерновых продуктов, приготовления пива, кваса и других напитков.

И нигде никто здесь не защищается, не замечается ни малейшего следа борьбы против этого постепенного захвата. Случай со Псковом и Новгородом — чисто политического характера. Между тем элементы оппозиции были. С самых отдаленных времен торговля была в чести в стране и считалась благородным занятием. Предприятия варягов, как и древних славянских князей, имели одновременно военный и торговый характер. Герои национальных былин — Садко, Соловей Будимирович, Чурила Пленкович, Васька Буслаев — воплотили этот двойственный тип торгового дельца и отважного авантюриста. Оппозиционные элементы были, но недоставало корпоративного духа. *Купец*, розничный торговец, и *гость*, оптовый, оба занимаются коммерцией, но однако они также склонны и к другим занятиям и часто предаются им.

С другой стороны, профессиональная специальность, которой они обязаны своим именем, не ограничивается только ими. Торговлей с увлечением занимаются все: крестьяне, монахи, военные, важные сановники — занимаются до того времени, когда государство, под давлением одной и той же заботы, не разделит функции, чтобы лучше разложить и закрепить повинности. Это будет делом XVII века. Но и тогда будет еще только одним полком больше в великой армии, больше узников в великой темнице, а корпорации все-таки не будет; они создадутся позже указами Петра Великого и Екатерины II. До них история не создаст этого. Таким образом разобщенные социальные элементы после падения Пскова и Новгорода, поглощенных великой военной державой, лишились единственных центров, где могли достигнуть более или менее значительного сплочения. Эти элементы подверглись общей участи закрепощения, так как были бессильны выполнить ту роль, какую городские общины Запада блестяще выполнили в высшем культурном движении.

Оставалась церковь. Я сейчас покажу, почему и она, под действием тех же причин не могла идти по следам своей западной соперницы.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Часть первая

УГАСАЮЩАЯ ДИНАСТИЯ

Глава первая

НАСЛЕДСТВО ГРОЗНОГО

1. Блаженный на троне

Богатырю следовало бы принять тяжкое наследие Грозного, а наследником оказался звонарь. Говорят, сам Иван IV наделил этим прозвищем младшего из своих сыновей, Феодора, а судьба в отместку предопределила его наследовать престол. Старшего — Ивана, как известно, отец убил собственноручно в припадке бешеного гнева.

Наследие Грозного! Внутри государства затеяны огромные преобразования, — почти государственный переворот, приостановленный в самом зачатке и возбудивший противодействие, которое было заглушено одним из самых ужасных проявлений деспотизма, какие известны в истории; заглушено, но не уничтожено.

Все шатко наглухо kloкочущем вулкане! Извне — Польша и Швеция готовы были продолжать свои победы и мстить за былые поражения. Да, нужен был богатырь. А между тем 18 марта 1584 г. вступил на престол 27-летний Феодор... Вот как насмешливые иностранцы, — свои не посмели бы, — Флетчер, Пирсон и Маржерет описывают в своих записках его обычное времяпрепровождение.

Молодой государь обыкновенно вставал в четыре часа утра. Покончив с одеваньем, он посылал за духовником; духовник являлся с большим крестом и, коснувшись им лба и щек государя, подносил крест к устам для целования. За ним следовал дьякон с иконой святого, память которого в тот день праздновалась по святым. Ее ставили на самое почетное место среди бесчисленных икон, которыми была усыпана сверху донизу комната царя. Иконы были грубого письма, но в богатых ризах с жемчугом и драгоценными камнями; перед ними горели восковые свечи и неугасимые лампы. Феодор сейчас же становился на молитву перед принесенной иконой. Четверть часа царь усердно и истово, клал земные поклоны. На это время духовник уходил и возвращался с чашей святой воды и кропилом. Каждый день эта вода доставлялась по очереди многочисленными московскими монастырями, в знак благоговейного почтения к особе государя.

Совершив эту первую утреннюю молитву, царь посылал справиться о здоровье царицы, как почивала? Супругой Феодора была Ирина Годунова, сестра знаменитого Бориса, которому судьба готовила высокую, полную трагизма долю. Феодор только накануне мно-

гочисленных в православной церкви постных дней разделял ложе супруги и приглашал ее к своему столу. Их покои разделяла зала; получив ответ посланного, царь шел навстречу государыне и проводил с нею некоторое время. Затем они отправлялись вдвоем в свою домовую церковь к заутрени, которая длилась около часа. По возвращении царь отправлялся один в приемную палату и, сидя в большом кресле, принимал тех придворных бояр, кого считал достойным этой милости. Около девяти часов он отпускал своих приближенных. Пора звонить к обедне. Царь сам исполнял эту обязанность, а так как обедню служили в одном из кремлевских храмов со всем сложным чином по обрядам греческой церкви, то эта ежедневная служба занимала царя еще часа на два. На самом-то деле, по крайней мере, у окружающих царя, время тратилось не на одну молитву. В эти часы церковь служила палатой совета, под звуки бесконечных песнопений думные бояре заводили шумные мирские споры, замолкая по временам, когда справлялись о мнении своего государя. Но у государя своего мнения никогда не было; он выслушивал, блаженно улыбаясь и, не говоря ни слова, продолжал перебирать четки. По окончании этого второго богослужения, царь возвращался во дворец обедать. Обед подавался к одиннадцати часам весьма торжественно. После обеда государь почивал три часа, а затем опять шел в церковь к вечерне. Остальные часы до ужина посвящались вполне заслуженному отдыху. Ирина проводила это время вместе с супругом, и оба они развлекались разными забавами, обыкновенно балагурством шутов и кувырканием карликов. Иногда, впрочем, государь устаивал своим вниманием работы своих золотых и серебряных дел мастеров и иконописцев. После ужина он снова молился со своим духовником и получал его благословение на сон грядущий.

Только по воскресеньям да по большим праздникам изменялось это распределение дня. В такие дни государь посещал монастыри в окрестностях столицы. Иногда, чтобы не нарушать чересчур круто обычаев страны и порядков, заведенных его предшественниками, он присутствовал на боях с медведями или на кулачном бою, но ему они не доставляли никакого удовольствия.

Вот каков был новый царь всея Руси. Личность, словом сказать, довольно близкая по типу и к «идиоту», как его изобразил в своем знаменитом романе Достоевский, и к юродивому, каких еще и теперь можно встретить в русских деревнях, и к блаженным, которых набожные люди Средних веков причисляли к лику святых. Разные писатели того времени, как светские, так и духовные, действительно, изображают Феодора вполне отрешившимся от мирских дел и помышляющим только о вечной жизни. Правда, один из этих писателей, патриарх Иов, под влиянием чувства, довольно близкого тому, которым вдохновлялся великий русский романист, готов был видеть в этом нищем духом еще и разумного правителя и образец

Царь Федор Иоаннович

государя. Но он один был такого мнения. Лев Сапега, выдающейся государственной деятель Польско-Литовского государства, вернувшись из Москвы, куда он ездил в качестве посла, говорил: «Напрасно говорят, что у этого государя мало рассудка: я убедился, что он вовсе лишен его».

Флетчер оставил нам такое описание наружности государя: росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, на постоянно улыбающемся лице, поступь нетвердая и неясная речь. С этим описанием довольно сходен портрет царя с сиянием вокруг головы, сохранившийся и до сих пор в Архангельском соборе в Москве.

Да и на самом деле, при вступлении Феодора на престол никому и в голову не приходило, будто он способен управлять страной; да и сам он кротко покорился вспомогательному правительству, которое было учреждено немедленно. В таком зачаточном и почти еще аморфном состоянии, в каком пребывала тогда Московия, потребности создают органы. У смертного одра Грозного естественно из лиц наиболее приближенных к покойному царю образовалась своего рода пентархия. Первое место по почету, но без наибольшей власти, занял ближний боярин, князь Иван Феодорович Мстиславский, потомок древнего рода князей литовских, породнившийся с царствующим домом. Способности у него были посредственные, и он сознавал это. В пользу одного из его товарищей, Ивана Петровича Шуйского, говорило то, что он был Рюрикович, из доблестной линии Александра Невского. Недавняя защита Пскова против Батория придала ему лично известность. Но он был воитель, и только. Другой товарищ, Богдан Бельский, был смутьян. Да и по общему мнению, Грозный больше всего возлагал свое доверие на своего шурина, родного дядю Феодора, Никиту Романовича Захарьина-Юрьева (Романова), а услужливая легенда, о которой я упоминал в другом месте, наделяла Никиту Романовича всевозможными добродетелями¹.

Последнее место в этом ареопаге выпало на долю шурина Феодора, Бориса Годунова; его сравнительно невидное происхождение, по-видимому, не позволяло ему заявлять притязания на высшее положение. А между тем оказалось, что среди всех этих вельмож это был единственный человек, способный исполнить важную роль; что его властолюбие ожидало только благоприятных условий, чтобы развернуться вширь, и события скоро должны были выдвинуть его на первый план.

Впрочем, о составе этого своеобразного опекунского совета, принимавшего на себя попечение о новом монархе и о его государстве,

¹ *Waliszewski K. Ivan le Terrible*, стр. 490. (К. Валишевский. Иван Грозный. Страницы — по французскому изданию.)

неизвестно ничего вполне достоверного. Источники противоречат друг другу¹. Из них с очевидностью вытекает только одно: что это олигархическое правление, каковы бы ни были его участники, заключало в себе элементы непримиримого раздора и было бессильно по существу своему, так как это были те же самые элементы разложения, какими болела вся аристократия страны. В глазах Мстиславского и Шуйского, представители выдвинувшихся вперед московских бояр новой или старой выслуги, как Годунов и Романов, одинаково были выскочками; но и сами Мстиславский и Шуйский, пришедшие в упадок представители старшей линии или других отраслей владетельных князей, в своей вековой борьбе с младшей, восторжествовавшей надо всем домом Рюрика, потеряли даже обаяние, которое в былое время было связано с их первенством в роде; сами-то они еще вспоминали про него, но кругом них позабывали об этом. К тому же опричнина² вместе с системой местничества успели стереть все привилегии и преимущества, основанные на исторических правах. Отныне лишь разрядные книги да милость государя определяли место и чин каждого из подданных.

Этот порядок был навязан тяжелой рукой Ивана IV, которая сокрушала всякое сопротивление, но только она одна и могла поддерживать его. Не стало Грозного царя — и тотчас же неизбежно наступило «смутное время».

В первую же ночь по смерти Грозного в Москве вспыхнул мятеж. Его характер и размеры еще недостаточно выяснены. Судя по его последствиям, есть основание думать, что поводом к нему служил тот младенец, которому предопределено было в близком будущем исполнять роль главного героя великой национальной драмы, которую я предполагаю восстановить в памяти.

Феодор был сын первой супруги Ивана, Анастасии Романовны, но кроме него, от шестой или седьмой жены, — числа их никак нельзя было точно установить, — Грозный оставил еще сына, малолетнего Дмитрия. Дмитрий жил со своею матерью, Марией Нагой, в одной из обширных пристроек дворца. И вот один из опекунов Феодора, Богдан Бельский, задумал выставить его соперником нового царя. Это была безумная затея. Не говоря уже о правах Феодора как старшего брата, Дмитрий, по-видимому, устранился от престола даже вследствие своего рождения в браке, запятнанном незаконностью: уставы православной церкви признают только три брака, отвергая законность последующих. Но, пожалуй, Бельский действительно был сумасбродом, насколько мы о нем знаем; а с другой стороны,

¹ *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М. 1843, т. III, стр. 1—2, *Historica Russiae Monum.* т. II, № VIII; *Летопись о многих мятежах* (Никоновская летопись), т. VIII, стр. 5—7.

² *Ivan le Terrible*, стр. 66, 321 и сл.

наследование престола в этой стране не подчинялось еще строго установленным или обычно соблюдаемым правилам. На деле оно зависело от трех противоречащих друг другу принципов; здесь смутно давали себя знать при своем столкновении неподходящие друг к другу понятия о наследственном праве на престол, о семейной власти и о политической свободе: первородство, выбор государя и избрание. Монарх указывал себе преемника, обыкновенно своего старшего сына, а народное собрание — земский собор — утверждало этот выбор¹.

Итак, Бельский замышлял дворцовый переворот, первый из тех переворотов, которые затем в течение двух следующих столетий так часто изменяли порядок управления строною. Товарищи его по совету, однако, оказали ему сопротивление, обратившись с воззванием к простонародью. Двое рязанских дворян, братья Ляпуновы, будущие герои революционного движения, особенно отличились своим рвением в защите прав законного государя, и Феодор одержал верх.

Так говорит большинство иностранных летописцев — Горсей, Флетчер и Пирсон. Но по другим свидетельствам можно думать, что это была только попытка восстановить опричнину против опять начавших пробуждаться притязаний аристократического элемента, либо просто ссора за первенство. Но самое возмездие, к которому прибегли победители, по-видимому, противоречит такому толкованию. Так, Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород, — почетная ссылка такого рода часто применялась тогда, — а Дмитрий, его мать и многочисленная родня их покинули Москву; их выслали в Углич, небольшой город Ярославской области, назначенный молодому князю в удел.

Если мы примем во внимание время и место действия, такое обращение не покажется нам слишком суровым; но помимо того, что волки не имеют обыкновения пожирать друг друга, защитники Феодора должны были еще сообразоваться с благочестивыми настроениями государя. Сам царь оставался в прекрасных отношениях с высланными: Нагие посылали ему пироги, а он отдаривал их мехами.

В то время никто, конечно, и не предвидел, сколько бедствий произойдет от такого вступления в улаживание родственных счетов.

Чтобы бесспорно укрепить права нового царя, был созван Земский собор². По свидетельству летописцев, видные представители всех областей «слезно» умоляли Феодора быть царем и венчаться на царство. Слезы составляли неотъемлемую принадлежность исконного церемониала, и, хотя серьезные историки допускают, что этот парламент, как называет собор Горсей, в самом деле, занимался избранием Феодора, все же позволительно думать, что все это действие было

¹ *Сергеевич*. Лекции и исследования по истории древн. рус. права, стр. 128.

² *Ключевский*. Состав Земских соборов, «Русская Мысль», 1890 г.

просто соблюдением обряда. Более серьезно, по-видимому, высокое собрание посвятило себя решению некоторых вопросов административного порядка, как-то: подтверждение предпринятых ранее мероприятий для отобрания в казну церковных имуществ и отмены тарханских грамот, или освобождений от налогов, чересчур щедро жалованных предыдущими правителями разного рода владельцам, по большей части духовным. Впрочем, благочестие Феодора должно было служить немалой помехой строгому исполнению обнаруженных в этом духе законов¹.

Коронование Феодора было великолепно, изумляя свидетелей-иностранцев своим блеском и внушая им, бесспорно, преувеличенное представление о богатствах, которые оно обнаруживало. В таких случаях, исполняя обычай страны, выставляли все, какие только имелись, драгоценности, но эта показная пышность только прикрывала мрачную нищету.

После отъезда Бельского, в совете осталось четыре члена. Первое время преобладающую власть сохранял за собой Никита Романович, в этом ему помогали преданность и способность двух его подчиненных, дьяков Шелкаловых, Василия и Андрея, имена которых мы встретим опять в превратностях предстоящей драмы. Однако уже в августе того же года здоровье Никиты Романовича оказалось тяжело расстроенным, а год спустя он умер. Тогда взшла звезда Бориса Годунова.

По единогласному свидетельству современников, царица Ирина была женщина с ясным умом, разумная и решительная, что при тогдашнем ее положении возвышало ее над обычным уровнем влияния московских цариц. Она нежно любила брата и всегда и во всем поддерживала его. Хотя она редко разделяла ложе своего хворого и целомудренного супруга, зато часто она являлась соучастницей его правления или даже заменяла его в исполнении верховной власти², а на самом деле это было правление Бориса, которое отнесяло, таким образом, правление Совета. С каждым днем захват власти проявлялся все сильнее, возбуждал явное противодействие себе, которое навлекло опалу на несколько знатных семейств — Мстиславских, Воротынских, Головиных и Кольчевых. Обстоятельства, вызвавшие эту опалу, остаются темными. Один летописец упоминает о заговоре на жизнь Бориса: предполагали убить его на пиру у Ивана Феодоровича Мстиславского. Так или иначе, но в 1585 году старый вождь московского боярства исчез со сцены: он был заточен в монастырь и, принужденный постричься в иноки под именем Иосифа, вскоре там и скончался. Один из Головиных — Михаил Иванович — отпра-

¹ Латкин. Земские Соборы, стр. 87 и след.

² Акты исторические, I, 219 и Добавление, I, 143; Акты археографической комиссии, I, 341.

вился в Польшу увеличивать кучку политических «отъездчиков», последователей знаменитого Курбского.

К той же оппозиционной партии принадлежали, понятно, и Шуйские. В ту пору их пощадил; их черед наступил через два года. Летопись рассказывает о тех происках, к которым они прибегали, чтобы склонить Феодора к разводу с Ириной, потому что она бесплодна. Усилиям Шуйских помогало и ставшее силой благодаря политике Грозного сословие московских купцов, которые устраивали буйные зрелища перед Грановитой палатой. Но с помощью братьев Шелкаловых и митрополита Дионисия Борис укротил бурю. И Шуйские, проворно менявшие направление, стали сторониться от своих единомышленников, пытаясь лицемерно примириться с царским любимцем.

«Вы примирились нашими головами!» — крикнул им один возмущенный купец. Этот несчастный исчез в следующую же ночь, но и Шуйские недолго пользовались плодами своей подлой трусости. Донос одного подкупленного слуги послужил предлогом к новым и более строгим гонениям. Борис, которому теперь предоставлено было действовать по его усмотрению, будучи более уверен в послушании своего венценосного питомца, не задумался нанести решительный удар. Знаменитый воин Иван Петрович Шуйский был сослан на Белоозеро, а двоюродный брат его, Андрей Иванович, в Каргополь, и оба они были задушены. Восемь купцов сложили свои головы на плахе, а сотни их, действительных и подозреваемых сообщников, или были заключены в тюрьмах, или разосланы по разным областям.

Вполне ли точны эти подробности, — сомнительно, ведь Ирина не была бесплодна. У нее было несколько выкидышей, а в 1592 году она разрешилась от бремени дочерью, царевной Феодосией. Во всяком случае, суть этого события, т. е. казнь Шуйских Борисом Годуновым, не подлежит никакому сомнению, хотя московские послы, находившиеся в то время в Польше, и получили наказ решительно отрицать факты, гул от которых пошел за границу. Послы должны были уверять, будто Шуйские вовсе не были в опале, а напротив, даже пользуются расположением и щедротами государя. Что же касается Головина, бегства которого нельзя было оспаривать, то он будто бы провинился в воровстве¹.

Такая дипломатическая ложь составляла часть исконного обычая, который соблюдался непрерывно и впоследствии. Но, наверное, митрополит Дионисий и архиепископ Варлаам — глава важной Крутицкой епархии — ходатайствовали в это время отнюдь не за вора и понесли за это кару. Оба священнослужителя были заточены в монастырь. Митрополичий престол занял вполне преданный Годунову ростовский архиепископ Иов, и царский любимец стал всемогущ.

¹ Соловьев. История России, т. VII, стр. 270 (по изд. 1861 г.).

II. Борис Годунов

Род Годуновых происходил от татарского мурзы Чета. Этот мурза-перебежчик, покинув Золотую Орду, поступил на московскую службу в царствование Ивана Калиты (1328—1341). Здесь он вскоре крестился, основал знаменитый Ипатьевский монастырь и сделался родоначальником нескольких фамилий, которым суждено было оставить память по себе в истории усыновившей его страны. Чета считали своим предком и Сабуровы, породнившиеся через первую жену Ивана Грозного с царствующим домом. Близость к царю Бориса, несомненно, была такого же происхождения. Его женитьба на дочери знаменитого опричника Малюты Скуратова давала ему более прочное право рассчитывать на милость царя, а брак его сестры с Феодором обеспечил его положение. Борису было за тридцать, когда на престол вступил его зять. Нет ни одного подлинного портрета, который мог бы дать нам представление о его наружности: те, что воспроизводятся в гравюрах, только копии внушенного фантазией рисунка, исполненного в XVIII веке. Борис пользовался большой известностью красавца, несмотря на свой небольшой рост, плотное сложение и некоторую преждевременную хилость. Он обладал, по-видимому, величавой осанкой, способностью повелевать и большим врожденным даром слова, которого совсем был лишен Феодор. Образования, однако, Борису не доставало еще в большей степени, чем Феодору. Должно быть, это был первый случай безграмотности царя на престоле. Но зато он обладал в наивысшей степени тем даром усвоения и той силою интуиции, которые остаются одними из характерных черт его соотечественников, и он так же изумительно умел скрывать свои недостатки, как и извлекать выгоды из своих достоинств. Грозный для своих врагов и способный питать непримиримую ненависть, он был великодушнейшим из друзей и умел при случае выставить напоказ свое человеколюбие. Горсей описывает, как Борис остановил казнь одного английского подданного, Джона Горнеби, обвиненного в шпионстве и подвергнутого пытке.

Но больше всего в течение всей его карьеры в нем обнаруживается великий честолюбец, всегда владеющий собой и никогда не теряющий из виду намеченной цели; он сумел быть воздержанным в этой стране пьяниц и не упускал ни единого повода, ни единого случая, ни единого средства, чтобы выдвинуться вперед. После опалы Шуйских, на самом деле облеченный властью регента некоторого рода, он терпеливо и искусно трудился над тем, как бы упрочить свое положение и придать этой должности правовую санкцию, потому что примеров ее не имелось в летописях страны. Первый из временщиков в хронологическом порядке, он сразу вознес преимущества этого сана на такую высоту, какой только они могли когда-либо достигнуть. С 1581 года Борис был боярином, начиная с 1584

он присваивает себе один за другим целый ряд титулов, которые уже тем, что они были исключительны и единственны, вели его, словно ступени лестницы, вверх от степени до степени до наивысшего сана. Он был «конюшим», «слугою», «ближним великим боярином», «наместником царств Казанского и Астраханского» до того дня, когда в 1594 году ему был присвоен официальной грамотой титул, действительно соответствующий его должности, и с тех пор он стал правителем, регентом.

Любопытная подробность: этой последней ступени он достиг лишь благодаря некоторому, так сказать, обходному движению, используя для этого старательно приобретенные связи в заграничных землях. В агенте Английской торговой компании, Горсее, Борис нашел в высшей степени искусного и преданного ему дипломатического посредника. Благодаря именно посредничеству Горсея, уже в 1586 году английская королева шлет Годунову письмо, в котором называет его «князем» и «любезнейшим другом». Три года спустя сам Горсей в своем отчете о путешествии, тогда же изданном и получившем широкое распространение, наделяет его титулом «лорда-протектора». В то же время посольства, отправляемые в европейские и азиатские государства, получали подобные этому негласные предписания, а последствием их внушений были послания, в которых государи, заранее настроенные таким образом, расточали предполагаемому властелину Московского государства свидетельства своего уважения и наделяли его соответствующими титулами. Борис прикидывался смущенным: следует ли ему отвечать? Вопрос этот поднимался не раз в течение 1588—1589 годов и был решен, как и следовало ожидать, в утвердительном смысле.

Искусное сочетание мелочей этикета служило той же цели: на приемах иностранных послов Борис один только из всех присутствующих бояр стоял у трона; и дошло до того, что как-то раз его протянутая рука, как будто не нарочно, овладела «государевым яблоком», державой — эмблемой власти, которую вечно улыбающийся Феодор и не подумал у него оспаривать. За аудиенцией у царя следовал прием у царского любимца, где послы опять встречали тот же торжественный церемониал. Когда их приглашали на придворные пиры, они слышали там, как за здоровье Бориса пили одновременно с тостами за здоровье Феодора. В бумагах, которые они получали из посольского приказа, неизменно указывалось, что все постановления зависели и исходили от Годунова.

В 1594 году, как я уже указал, такое положение его было официально признано. Но и этого было мало: год спустя официальные документы присоединили к имени «правителя» Бориса и имя его сына. Прежде чем умер Феодор, прежде чем утвердилась уверенность, что он не оставит наследника (Ирина только что подала надежду на по-

томство), его наследие казалось уже predeterminedным в пользу новой династии!

Борис полагался на свое счастье. Он верил в звезды. Будучи настолько же суеверным, насколько он был необразованным, Борис окружал себя звездочетами, гадалками и колдунами. Один из них, говорят, предсказал Борису, что он будет царствовать, но всего лишь семь лет. — «Хоть бы один день!» — ответил будто бы на это царский любимец. Анекдот этот, вероятно, придуманный нарочно, хорошо воспроизводит свойство того пламенного и вместе с тем не находящего себе покоя честолюбия, которое позволяло этому избраннику судьбы ясно сознавать всю необычайность своего быстрого возвышения; оглядываясь ежедневно на уже пройденный путь и измеряя предстоящий, он видел в нескольких часах царствования вполне достаточную награду за совершенные усилия. Как ни высоко поднялся уже Борис, он все же продолжал быть некоторым образом смиренным. Он подвигался к трону крадучись, неслышными шагами: в совет, который номинально еще существовал, он удержал за собой то место, которое занимал и вначале, т. е. последнее; он придумывал особые званые обеды в покоях царя, на которых собирался избранный кружок, но сам воздерживался от посещения этих собраний. А по правде сказать, он в то же время давал обеды у себя, и быть приглашенным на них считалось еще большею честью.

Борис быстро приобрел значительные богатства. Английский посол Флетчер приписывал ему доход в 93 700 рублей, сумма для того времени громадная: рубль соответствовал тогда почти фунту стерлингов. Горсей считал для Бориса вполне возможным набрать и содержать армию до 100 000 человек! Это были, вероятно, преувеличения, причастные той известности, которая создавалась вокруг имени Бориса; а в частности цифры, приводимые Флетчером, в настоящее время признаются неточными¹. Впрочем, Борис, хотя и получал такой хороший доход, совсем не копил денег, чересчур усердно стараясь изливать свои щедроты и своими благодеяниями стяжать себе народное расположение. Это был второй Сеян, только ему не приходилось бояться никакого Тиберия. Не менее расточительный и в государственных расходах, Борис много строил, увеличивая число каменных зданий и церквей среди деревянных построек, которые обыкновенно преобладали не только в главных городах, но и в самой столице, — «украшая Москву, словно красивую женщину», по свидетельству патриарха Иова.

В общем, его регентство было счастливо и одинаково благоприятно интересам страны как внутри, так и во внешних сношениях. Вначале во внешней политике ему угрожала страшная опасность; но в войне, как и в дипломатии, счастье ему не изменило.

¹ *Середонин*. Сочинения Джильса Флетчера, стр. 180.

III. Война и дипломатия

Борис Годунов не знал ратного дела и, конечно, перед таким противником, как Баторий, его постигла бы жалкая участь. Победитель Грозного, между тем, решил возобновить наступательные действия; наперекор равнодушию и скупости своих подданных, он нашел теперь, к кому обратиться: римский престол занимал Сикст V, и этот великий папа словно был создан, чтобы действовать заодно с великим королем. О том, насколько они сговорились между собою, свидетельствует то, что в 1586 году в Риме спорили лишь, какими способами удобнее всего переслать в Краков по тайности субсидии, которых просили для завоевания Москвы¹.

«Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века».

Слова, эти принадлежат Карамзину².

Но Батория не стало. Неумолимая болезнь остановила его военные приготовления, и 2 декабря 1586 года он скончался. Положение дел сейчас же изменилось: Феодор, казалось, мог теперь рассчитывать на наследие Ягеллонов и надеяться, что путем избрания на польский престол он приобретет Краков. Польская шляхта не прочь была поладить с государем, известным своей кротостью. Борис, однако, или не сумел, или не захотел воспользоваться таким благоприятным случаем. С одной стороны, здесь, в Польше, корона вручалась уже тому, кто больше давал; а посланники царя приехали на сейм с пустыми руками; а с другой стороны, они сами выказали себя чересчур требовательными. Вот что они предлагали: столицей соединенных государств должна быть Москва; в общем гербе корона Польши будет помещена под шапкой Мономаха, и, *last but not least*, будущий царь-король не будет менять своей православной веры. Эти требования вызвали единодушный протест.

«Москвитяне хотят пришить Польшу к своей стране, как рукав к кафтану!» — воскликнул один из наиболее влиятельных избирателей — Христофор Зборовский. Известно, каковы были результаты: избранными оказались одновременно Сигизмунд Шведский и Максимилиан Австрийский, брат императора Рудольфа II³. Сигизмунд скоро одержал верх, и такая развязка приобретала для Москвы особенно угрожающий характер: сын Иоанна III, с таким ожесточением воевавшего мечом и пером с Иваном Грозным, и Екатерины Ягеллонки, новый король унаследовал от обоих и принес с собой на

¹ Wierzbowski. Materiały do Dziejów Piśmennictwa polskiego, t. I, p. 264—308.

² История Государства Российского, т. X, гл. II, стр. 49.

³ *Caro*. Das Interregnum Polens, стр. 59 и след., Hist. Russiae Monumenta, т. II, № XVI.

трон неутолимую злобу и ненасытное честолюбие. Москва, однако, отделалась только тревогой. В Польше Сигизмунду много было хлопот, чтобы окончательно вытеснить Максимилиана и покорить его приверженцев; помимо этого, будучи ярым католиком, он, подобно большинству современных ему западных государей, ревностнее всего занимался религиозными делами. Занимаясь в свободное время живописью, — картины его были довольно неудачны, — он на одной картине изобразил себя укрощающим ересь. Картина эта находится в Аугсбургской галерее, — недавно еще ее приписывали Рубенсу! Он действовал так хорошо, или, вернее, так плохо, что в Москве, поняв свою безопасность, скоро успокоились и решили даже, что настала благоприятная пора посчитаться со своим шведским соседом. После бурных препирательств Борис в 1590 году уговорил самого Феодора стать во главе громадного войска и двумя последовательными походами добился от Швеции уступки двух городов, Копорья и Иван-города, которые давно уже служили предметом спора между обеими сторонами. Потом, когда велись переговоры с Польшей о заключении перемирия на двенадцать лет, Борис стал замышлять достигнуть еще большего, после того как Иоанн III умер, унося с собой в могилу проекты отмщения, не перестававшие тревожить Москву.

Это событие стоило нескольких побед. Наследие покойного возбудило вражду между Сигизмундом и его дядей — Карлом, который был облечен властью регента; пользуясь этим, Москва в 1595 году вынудила у Швеции окончательные условия мира. В Тявзине, при посредничестве императора, был подписан весьма выгодный, хотя и вызывавший довольно жестокие нападки, мирный договор. Ко всему уже приобретенному ранее царь присоединил и Кексгольм. Одна статья договора, сохранявшая за шведами исключительное право торговли в Нарве, правда, казалась не очень благоприятной; во всяком случае, она наносила чувствительный удар, но лишь выгодам Ганзейского союза, а жертвовать его интересами был уже заведенный обычай¹.

Император потребовал уплаты за свои услуги, и вот, начатые в 1588 году переговоры привели, с его стороны, к одной из самых странных дипломатических неразберих, о каких когда-либо свидетельствовали архивы. Со времени появления в 1588 году на берегах Дуная тайного агента Феодора, Луки Паули, — авантюриста темного происхождения, — и после трех последовательных миссий императорского посла Николая Варкоча, за которыми последовала в 1597 году миссия бургграфа Доны, — Венский двор совсем запутался в интриге, готовившей ему одни разочарования. После неудачи в Поль-

¹ См. об этом в рус. летоп.: Никоновская, VIII, 12—13; 16—17 и 29—30; Первая Псковская летопись (Полное собрание летописей, V—320); *Kelch*, *Lievl. Hist.* 447—449; *Hiaern* (*Mon. Liv. Ant.* I, 369—371); *Соловьев*. История России, VII, 329 и след.; *Форстен*. Балтийский вопрос. II, 52.

ше, он рассчитывал одно время великолепно вознаградить себя в Москве. Венский двор льстил себя надеждой достичь двойной цели: пополнить московскими рублями вечно пустую императорскую казну и обеспечить за принцем австрийского дома наследование Феодору!

Паули прибыл в 1588 году с предложением субсидии, чтобы поддержать в Польше кандидатуру Максимилиана, — спор о ней был уже покончен, — а затем от своего имени сообщил новость, будто существует тайное завещание Ивана IV, предназначавшее московский трон австрийскому принцу (мудрено понять: как так и почему, ведь Феодор был жив!). Варкочу, — понятно почему, — не удалось увидеть этого таинственного завещания, и он удовлетворялся сообщением, будто подлинник погиб во время пожара. Не довелось ему увидеть и московского серебра, хотя в одном, вероятно подложном, рассказе о своем первом путешествии он будто бы говорит о трех миллионах флоринов, вывезенных им из Москвы и, для пущей предосторожности, скрытых в бочках с воском¹. Зато сначала от Бориса, а затем и от самого Феодора Варкоч получил обещания и поощрения, по его мнению, крайне заманчивые. Посредником для сношений с Феодором служил начальник Посольского приказа, весьма могущественный и очень влиятельный дьяк Андрей Щелкалов, вскоре впавший в немилость, надо думать, за свое дерзкое вмешательство в эту интригу². Борис заявлял, что царь не покинет императора, «хотя бы ему пришлось есть из деревянных чашек», а когда его заставили высказаться начистоту, договорился до того, будто его государь смог бы накопить пять миллионов для помощи Рудольфу против общих врагов. А что касается вопроса о завещании, то тут Годунов обнаружил больше сдержанности и даже несколько мистифицировал Варкоча, а тот, по-видимому, и не догадывался об этом: документ-де существовал, и если Максимилиану удастся водвориться в Варшаве, то «могут произойти большие дела», — ведь Феодору, очевидно, не суждено иметь наследника. А между тем, когда при Бычине (24 января 1588 года) эрцгерцог был разбит и даже взят в плен, Рудольф завел переговоры о его освобождении, как раз ценой полного отречения его от притязаний на корону Польши! Правда, во время второго пребывания в 1593 году Варкоч не посмел уже заговорить с Борисом об этом щекотливом предмете. Он наверстал свое в беседе с Щелкаловым, а этот в свою очередь самым странным способом тешился над его легковерием, говоря от имени Феодора; если, мол, Венский двор немедленно пришлет в Россию принца лет четырнадцати или пятнадцати, то этого юношу могут усыновить и воспитать как будущего наследника царского!

¹ *Adelung*. Uebersicht der Reisenden, I, 401.

² *Щенкин*. Archiv für Slavische Philologie, XXII, 401; *Платонов*, Журн. Мин. Нар. Просв., июнь 1898; ср. у *Лихачева*. Разрядные дьяки. Стр. 191 и след.

Как бы это ни казалось неправдоподобным, Венский двор попался на удочку; он снова отправил одураченного дипломата, хотя теперь вопрос о сомнительном наследстве уступает место другому, более неотложному. Турки совершили нашествие на Венгрию, а императорская казна была пуста. Поэтому, не пренебрегая предложением Щелкалова, посланник должен был, прежде всего, стараться привезти денег. И он их привез; по крайней мере думал, что привез. О сокровенных намерениях, которые будто бы были у Феодора, Варкоч не смог ничего разведать, так как глава Посольского приказа, дьяк Щелкалов, был уже не у дел; к тому же царь сам стал теперь отцом. Без сомнения, ему не лучше удалось бы изведать сокровенные тайны московской казны, если бы многократные посольства его не показались сами по себе разорительными для финансов царя. В свой последний приезд Варкоч со своею свитой в тридцать три человека в течение четырех месяцев съели: 48 быков, 336 баранов, 1 680 кур, 112 гусей, 224 утки, 11 200 яиц и 336 фунтов масла! Выгоднее было уж прямо поступиться кое-какими деньжонками! Надоедливого просителя отправили с целым обозом тяжело нагруженных телег, а когда их распаковали в Вене, советники императора Рудольфа увидели целый набор мехов!

Известно, что тогда шкурки куниц и сибирской белки часто заменяли в Москве золото и серебро. Это была последняя и самая жестокая мистификация.

Хотя и тщетно пытался Рудольф обратить в деньги громоздкий товар, однако не пал духом. Но и заменивший в 1597 году Варкоча Авраам Дона имел не более успеха. Дипломатия Годунова на этот раз пустила в ход средство, столь часто и столь успешно применявшееся Грозным: казна царя в распоряжении императора; но ведь речь идет о войне с турками? Значит сперва необходимо создать общий союз всех христианских государей, а так как посол римского первосвященника находится как раз тут, то к делу можно приступить немедленно. Агент Климента VIII, Александр Комулович, действительно только что приехал в Москву, где он побывал уже два года тому назад. Но целью его миссии был исключительно вопрос о соединении обеих церквей, а Дона, со своей стороны, не имел достаточных инструкций для устройства нового крестового похода, и переговоры, таким образом, прервались¹.

¹Смотри для этого эпизода: *Fiedler*, Beziehungen Oesterreichs zu Russland, Almanach der K. Akad. der Wiss. 1866, стр. 257 и след.; *Форстен*. Балтийский вопрос. т. II, стр. 56 и след.; *Бантыш-Каменский*. Обзор внешних сношений, I, 13—14; *Соловьев*. История России, VII, 346; *Pierling*, Papes et Tsars, стр. 443 и след. — Документы: Памятники дипломатических отношений, I, 1049 и след.; II, № 32 и след. Hist. Russiae Mon., II, XXV; донесения и заметки Варкоча в Венских Архивах.

Возобновить их уже не привелось за неимением времени. Гроза приближалась. Много было сделано и с той и с другой стороны попыток к сближению, и все они остались тщетными. Пока все еще действовали ощупью, натываясь на многочисленные препятствия, разделявшие обе страны: расстояние, глубокое различие цивилизаций, интересов и психики; эту черту можно считать самой характерной вообще для зарождающихся сношений России с Западом во времена Феодора и Бориса.

IV. Сношения с Западом

Борис пытался даже и с отдаленной Францией завязать сношения. Посланный в Париж переводчик Петр Рагон вернулся в Москву в 1586 году с официальным агентом Франциском де Карле, по всей вероятности племянником известного Ланселота де Карле, сотрапезника Лопиталья, Ронсара и дю Беллэ. Дядя был блестящим представителем короля Генриха II в Риме, а племянника уполномочили известить об отправлении посольства, которое так и осталось в проекте¹.

С Англией дела шли значительно успешней, так как Боус, посланник Елизаветы, находился в Москве при восшествии Феодора на престол. Но после крупных разногласий с Грозным этот вспыльчивый дипломат собрался уехать и, садясь на корабль в Архангельске, в запальчивости даже бросил полученные им обычные подарки и письмо нового царя с существенными условиями нового торгового договора. Однако ливонец Бекман, отправленный курьером вслед за Боусом, в свою очередь остался недоволен тем, что будто бы Елизавета приняла его «в огороде», хотя королева уверяла, что «ни чесноку, ни луку там не росло». Более успешно постарался восстановить хорошие отношения между обоими дворами агент английской Компании Иероним Горсей; в 1587 году ему удалось даже получить очень выгодную для своих соотечественников грамоту. Эта, пятая по счету, грамота значительно сокращала и так уже относительно очень низкие пошлины, которыми еще обременяли в Московском государстве английских купцов. К несчастью, могущественная Компания не прочь была злоупотреблять своими привилегиями, подвергаясь, именно за эти привилегии, ярым нападкам со стороны своих соперников из Германии, Франции, Нидерландов и даже самой Англии. Под покровительством Компании некоторые из ее агентов предпринимали личные спекуляции, и близкий советник Елизаветы, сэр Франциск Вельшингем (Walshingham), не гнушался принимать в них участие; между тем Московия не могла их считать выгодными, тем более что зачастую они оказывались разорительными для

¹ См. Paris, La Chronique de Nestor, I, 381.

ее подданных. Даже сам Годунов пострадал от одного банкротства. Но, с другой стороны, и Иерониму Горсею, этому полукупцу и дипломатическому посреднику, не всегда везло. Так, в 1586 году Борис тайно поручил ему привезти из Англии для Ирины ученую лекарку, которая помогла бы царице иметь детей, а Горсей вернулся с повивальной бабкой!

Годунов усиленно заботился, чтобы забыли это происшествие, а той порой злосчастное впечатление уменьшалось и тогда же привезенными Горсеем подарками; особенно способствовал этому орган, собиравший перед Кремлем целую толпу слушателей. Хотя Феодор не унаследовал от отца личных причин, побуждавших Грозного оказывать внимание Елизавете, зато царский любимец, как свидетельствует Горсей, наоборот, видимо, был проникнут подобными заботами. Он хотел обеспечить себе убежище в Англии, и, когда Горсей уезжал туда, Борис, в свою очередь, отправил королеве подарки; они были так великолепны, что Елизавета, рассматривая их с увлечением, даже «вспотела», хотя дело было в октябре!

Но Годунов был не Грозный. Английская Компания возбудила против себя недовольство, отказав перевести главный пункт своей торговли из Нарвы, оставшейся в руках шведов, в гавань Святого Николая на Белом море, как этого хотели москвитяне. Борис принужден был считаться с этим недовольством, и преемнику Боуса от 1588 до 1589 года, Джильсу Флетчеру, стоило немало труда снова ее уладить. Победа, одержанная Елизаветой над испанским королем, сильно способствовала его стараниям, и шестая грамота прибавила к прежним привилегиям английских купцов право свободного проезда через все Московское государство. Однако эта шестая грамота не вернула им полной свободы от пошлин, полученной в 1576 году, когда Грозный мечтал жениться в Англии. И Флетчер даже лично не мог похвалиться вниманием, которое ему оказывали.

Он отомстил тем, что, вернувшись в Англию, обнародовал книгу, которая, несмотря на многочисленные ошибки и слишком явное, преднамеренное зложелательство, остается самым ценным источником для политической, социальной и экономической истории России в эту эпоху¹. Компания, встревоженная тем, что сочинение приобрело громкую известность, и, опасаясь, как бы это не отразилось на делах ее, потребовала его конфискации, и Елизавета охотно согласилась на это. Своей едкой критикой абсолютной власти книга

¹The Russian Common Wealth, 1591. (О Государстве Русском. Сочинение Флетчера. СПб. Изд. А. С. Суворина). — См. для этого события: Russia at the close of the XVI. С. Введение, ст. LXXXIX и след. и Приложение I, ст. 281; Толстой, Россия и Англия, №№ 61—64, 67—74, 76—80; Бантыш-Каменский. Обзор внешн. снош., I, 94 и след. Сборник Имп. Рус. Ист. Общества, XXXVIII, 186—246; Середонин, Сочинения Джильса Флетчера, стр. 140.

внушала опасения даже в Англии. Появившийся в 1845 году русский перевод был немедленно конфискован, а издатель его был лишен кафедры, которую занимал в Московском университете.

Между тем англо-русские отношения продолжали оставаться на хорошем пути, и правительство Феодора или Годунова вышло без больших потерь из этого дипломатического поединка. — Последствия расширения владений, одновременно предпринятого на востоке и юге государства, в течение 1590 года готовили России более тяжелое испытание.

V. Расширение владений на Востоке

Медленно оттесняя азиатский элемент за свои постоянно расширяемые границы, Москва до конца XVI века была ограждена от возвратного наступательного движения мусульманских народов, с одной стороны, беспрестанными смутами, волновавшими Крымский полуостров, а с другой — набегами запорожских казаков, которые, беспокоя татар и турок, все замыслы их о возмездии обращали на Польшу, потому что казаки эти были ее подданными. Миротлюбивое расположение крымского хана поддерживалось кое-какими подачками, посылаемыми в Бахчисарай. Но в 1590 году Швеция догадалась дать больше, и последствия этого испытал на себе посланник Феодора, Бибииков. Подражая Баторию, Казы-Гирей, выслушивая царское послание, отказался встать, а весной следующего года Орда выступила в поход. Татары говорили, будто они идут на Польшу, но в Москве скоро узнали истину. В подобных случаях тревогу поднимала умно устроенная сторожевая служба. Через всю степь, возле каждого высокого дерева, стояли по два казака: один время от времени влезал на верхушку, чтобы осмотреть горизонт, другой держал коня своего товарища. И как только туча пыли показывалась вдали, сторожевые скакали до ближайшего дерева по направлению к границе, а этот пост, получив тревогу, в свою очередь, извещал следующий¹. Это был телеграф того времени. И вот благодаря ему 3 июля в Кремль узнали, что татары перешли Оку. На следующий день они были у ворот столицы. Наспех собранная и немногочисленная рать, казалось, не в состоянии будет защитить Москву. Что произошло тогда, так и осталось невыясненным в точности. Одна из тех паник, которой порою подвергались в те времена даже более дисциплинированные войска султана, внезапно обратила Казы-Гирея в столь стремительное бегство, что посланные в догоню за ним несколько московских отрядов настигли аррьергард хана только уже около Тулы.

Наибольшую выгоду из этой победы извлек опять-таки Годунов. Кажется, он никоим образом не содействовал успеху. Он не был

¹ *Карамзин*. История Государства Российского, т. X, гл. III, стр. 138.

предводителем войска. А между тем главнокомандующий, Ф. И. Мстиславский, подвергся опале за то, что в своем донесении не приписал всей заслуги в этом событии временщику, как подобало. В конце концов всем воеводам были розданы великолепные награды — шубы «с царского плеча» и поместья, — но Годунов получил из них лучшую долю.

Впрочем, с Казы-Гиреем не все еще было кончено. Вернувшись сильно изуродованным в Бахчисарай, он обласкал Бибикова, сделал вид, будто ничуть не опечален этой неудачей, и позволил себе даже шутить по этому поводу.

— Меня плохо приняли у вас, — говорил он послу.

— Ты слишком скоро ушел, — ответил Бибиков, — если придешь другой раз, тебя лучше попотчуют.

Хитрый татарин ухмылялся и подумывал об отместке. Москва была рада, когда, два года спустя (в ноябре 1593 года), в Ливнах на Сошне ей удалось заключить окончательный мир, причем она обещала рассеять донских казаков и заставить терских не беспокоить турок. Хан в то время служил, действительно, обычным посредником между царем и султаном. Долгое время в Константинополе даже упорно отказывались вступить в непосредственные сношения с Москвой. «Его Величество, говорилось там, отправляет посланников только к великим государям Франции, Англии и Испании, которые платят ему дань». Благов, отправленный в Константинополь в 1584 году, чтобы известить о восшествии Феодора на престол, достиг того, что в Москву было снаряжено ответное посольство. Но и после мира в Ливнах разбойничьи набеги казаков и захваты русской колонизации по-прежнему мешали установить сколько-нибудь прочное соглашение¹.

Москва, действительно, беспрестанно подвигалась все далее и далее. В 1586 году она проникла в Закавказье, но, по правде сказать, тут ее первые шаги были неудачны. Один грузинский князь усиленно просил помощи против турок и персов, а ему послали монахов и иконописцев! Так как князь настаивал на своей просьбе, решили двинуть в поход отряд войска, но предводитель этого отряда князь Хворостинин был разбит и потерял 3 000 человек².

Попытки возобновить сношения с Персией, сделанные одновременно с этим, были прерваны трудностями сообщения. Из всего многолюдного посольства, отправленного к шаху Аббасу в 1598 году, прибыли по назначению только одни сокольники, сопровождавшие драгоценных птиц³.

¹ Соловьев. История России, VII, 370 и след.

² Там же, VII, 387.

³ Веселовский. Памятники дипломатических сношений с Персией, I, 334 и след.

Переговоры о мире ханского посла Казы-Гирея
и князя Хворостинина на мосту реки Сосны в 1593 г.
Рис. Н. Дмитриева-Оренбургского

Более успешно шли дела на северо-востоке: замирение возмущенных черемисов и постройка целого ряда новых городов — Цивильска, Уржума, Санчурска — обеспечивали прочное владение. В низовьях Волги возникли новые города Саратов, Царицын. В Сибири, после смерти Ермака¹ и отступления его товарищей под предводительством атамана Матвея Мещеряка, на некоторое время торжествовал дикий Кучум. Но скоро по следам богатыря, искателя приключений, пошли один за другим московские отряды. В 1585 году воевода Мансуров построил при слиянии Иртыша и Оби укрепленный город и пушечным ядром сокрушил знаменитого идола, которого остяки противопоставили его артиллерии. В течение следующих лет были основаны Тюмень и Тобольск, а в 1590 году вслед за Лугуем, владевшим двумя городами и четырьмя крепостями на Оби, сам Кучум изъявил покорность.

Мирному завоеванию этого края способствовали и заселения Строгановых. Их промышленные успехи и создание Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетского Острога, которые служили центрами привлечения русских земледельцев и ремесленников, позволили Феодору с 1592 года говорить о Сибири как об окончательно присоединенной к его владениям области. Кажется теперь в России об этом забывают.

Во всяком случае, как внутри, так и извне, правление преемника Иван было вполне мирно, и страна, после жестоких испытаний в царствование Грозного, обязана Феодору как бы перемирием между потрясениями недавнего прошлого и бурей недалекого будущего.

VI. Внутреннее управление

Изо всех имевших значение в русской истории временщиков Годунов был, без сомнения, наиболее достойным своей высокой доли. Он был неграмотен; но ему никак нельзя отказать в довольно правильном понимании польз и нужд своей родины в ту пору, когда он был призван ею править. Будучи сотрудником Ивана Грозного в его разрушительной работе, он сумел понять, что после перекройки следовало снова сшивать: положить конец экономическому расстройству, бывшему последствием революционной политики предшественника; восстановить обрабатывание земли в обезлюдненных центральных областях; оказать помощь классу «служилых людей», поместья которого обратились в пустыню; облегчить тягость налогов, которые обременяли сократившееся в числе тяглое население; наконец, ослабить до крайности обострившиеся столкновения между различными элементами населения. Годунов хвалился, что он всюду устано-

¹ *Waliszewski*. Ivan le Terrible, стр. 478.

вил в такой мере «порядок и правосудие, что под его управлением никто, как бы велик и силен он ни был», не решится обидеть «даже сироту». Это были только красные слова; но после свирепых неистовств опричнины уже одно то, что правительство хвалилось честностью и правосудием, имело некоторую цену.

Борис Годунов был кичлив непомерно. В 1591 году московские послы утверждали в Варшаве, будто он освободил по всей стране землю от всяких налогов. Ни одной десятины, платящей хотя бы копейку! Опять одни красные слова, подобные обычному жесту Бориса, с каким он, теребя богато вышитый ворот своей рубахи, объявлял, что он готов поделиться всем, до этой одежды включительно, с первым попавшимся нищим. А в это самое время печальные угличские изгнанники и заведовавший земским хозяйством дьяк Битяговский, у которого впоследствии произошли с ними и другие более серьезные ссоры, спорили из-за размеров подати, причитавшейся с каждой обработанной десятины! Частичные льготы, отмененные ввиду истощения казны между 1580 и 1584 годами, были только что снова восстановлены, и Борис, по своему обыкновению, воспользовался этой щедростью и пустил пыли в глаза своим соседям, полякам.

Однако страна весьма заметно оправлялась от только что перенесенных ужасных испытаний. Население успокаивалось и увеличивалось, благодаря возвращению большого количества беглецов. Несмотря на упадок внешней торговли, который отмечен Флетчером и, без сомнения, объясняется потерей Нарвы, торговые обороты вообще заметно увеличились¹. Но зло было глубоко, и те средства, к которым прибегали, могли оказать свое действие лишь со временем.

Политика Ивана Грозного стремилась расчленивать некоторым образом и перестроить общество, положив в основание сословие «служилых людей», которое отбывало только воинскую службу и никоим образом не должно было приобретать значение органического элемента в общественном строе. Лицом к лицу с этим непроемким и неспособным к почину сословием стояли разъединенные, полные разлада, вооруженные друг против друга — крупный землевладелец, освобожденный от всяких повинностей; монах, ненасытно алчный к захвату земель; одинаково разоренные мелкий и средний собственник и превращенный в бродягу, ушедший в степь «казаковать» крестьянин, — все они выжидали только случая порешить с этой непрестанно ожесточавшейся враждой.

Впрочем, Годунов продолжал некоторым образом следовать программе Грозного, не проявляя лишь его жестокости. И русские и иностранные летописцы, как Тимофеев или Флетчер, вполне соглашались в указании на то, что Борис покровительствовал людям низ-

¹ Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 593.

кого звания в ущерб родовитой знати. И возвышение таких людей, как Клешнин, и значение, которое придавали в Думе дьякам вроде Щелкалова, по-видимому, оправдывают эту оценку. Но Годунов вместе с тем деятельно выступал в качестве примирителя в ожесточенной свалке тех обломков бывшего общественного строя, которые, покоряясь присущему им закону развития, стремились со своей стороны органически преобразоваться, но сталкивались между собою в страстной борьбе. Борьба шла за обладание землей, и в еще более жестоком виде — за обладание рабочими руками. Монахи и крупные помещики захватывали лучшие доли того и другого; а мелким собственникам приходилось оспаривать друг у друга немногие оставшиеся в их распоряжении пригодные к обработке десятины, охотиться на человека, на землероба; его преследовали в плохо охранявшихся поместьях, разыскивали по кабакам, где так удобно коварно переманить его, завлекали в дебри двусмысленного законодательства и продажного правосудия.

Годунов, в бытность своею правителем, а впоследствии царем, сильно заботился о том, какое придумать средство против этой хозяйственной и общественной язвы; и вот, под влиянием этой заботы или, вернее, с целью положить конец беспрестанному шатанью населения, обеспечить возделывание земли и искоренить разбойничество, он в 1592 году отменил, как полагают, право перехода, которое до той поры было предоставлено большинству крестьян.

Это было прикрепление к земле, безжалостный закон, одним росчерком пера закрепостивший тысячи человеческих существ!

Я уже высказал свое мнение по этому предмету¹, и теперь, после нового исследования этого вопроса, я все еще отказываюсь допустить, что Годунов должен нести перед историей такую страшную ответственность. За неимением ни единого прямого свидетельства, его обвинителям остается ограничиваться умозаключениями, добытыми при помощи законодательных текстов позднейшего времени, из которых одни сомнительны или явно подложны, другим же можно давать самые различные толкования. Как ни много проницательности употреблено было на то, чтобы истолковать их в желательном смысле, мне все еще кажется неправдоподобным, чтобы почин одного человека мог, даже в этой стране произвола и насилия, ввести в один час то, что во всех других местах было созданием нескольких веков и следствием совокупности экономических и социальных причин. Те же самые причины издавна оказывали свое влияние и здесь, и последствием их вековой работы, завершившейся в XVI веке, было порабощение земледельца либо землею, либо землевладельцем (и этот вопрос тоже остается спорным).

¹ Ivan le Terrible, стр. 29.

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая здесь работа заканчивает собою общий обзор начального периода истории современной России и должна служить как бы введением к моим прежним сочинениям. Она завершает собою также цикл монографий, более детальных, хотя, конечно, и неполных, в которых я пытался изложить русскую историю в течение трех веков, от Ивана Грозного до Екатерины Великой.

Мне уже заметили, одни в виде порицания, другие в виде похвалы, что на этом длинном пути я часто делал отступления, так сказать, шел зигзагами. Причину этого я уже объяснял, но и теперь считаю долгом опять извиниться. Я делал, что мог и как мог. Двадцать лет тому назад я не располагал теми источниками, которые позволяли мне потом приступить к исследованию этих отдаленнейших эпох прошедшего, к тому же недостаточно исследованного. Начиная с конца и рисуя моим читателям сначала обольстительный образ Екатерины, я, однако был чужд всякой задней мысли. Если кто, предполагая противное, хотел сделать мне комплимент, то я его не заслужил.

Обнародование моего предыдущего сочинения, посвященного смутной поре конца шестнадцатого и начала семнадцатого веков, случайно совпало со взрывом нового революционного кризиса. Другое совпадение (а я о нем совсем и не думал), придаст этой работе вид кажущейся современности. В 1913 году династия Романовых, которая в своем родовом древе имеет и немецкие корни, благодаря императрице Елизавете Петровне, дочери императора Петра Великого и Екатерины Первой, урожденной Марты Скавронской, будет праздновать трехсотлетие своего воцарения. Чтобы возбудить и привлечь наше внимание, первые шаги этого знаменитого дома не нуждаются в таких ссылках.

В эпоху его выступления совершились события, которым еще и до сих пор не перестают обусловливать внутреннюю и внешнюю жизнь великой северной империи. По меткому выражению Ключевского, современный русский человек, подходя к этому периоду национальной истории, испытывает такое впечатление, как будто бы читает свою автобиографию.

В семнадцатом веке мы имеем все еще Московское государство, но уже его эксцентрическое ядро на финской земле начинает расти

и распространяться по всем направлениям, начинает создаваться та великая, огромная Россия, которую мы знаем. В этом семнадцатом веке оканчивается дело «великих собирателей земли русской». Наследники распавшейся монархии первых Рюриковичей снова захватывают вместе с древнею столицею, Киевом, значительную часть наследия Владимира. В течение своей вековой борьбы с Польшею за владение этими областями и за гегемонию в славянском мире, новая зарождающаяся Россия берет решительный перевес над своею западною соперницею и в то же время достигает на востоке берегов Тихого океана. Она переходит окончательно в ряды великих европейских и азиатских держав.

Исполняя подобную задачу, стремясь отчасти облегчить ее, оправляясь после недавних погромов, упрочивая наиболее важные учреждения, развивая свою политическую мощь, древне-московское государство попутно освобождалось от некоторых слишком архаических черт сего прошлого. Оно вступает в сношения с западною цивилизациею, претворяет в себе ее первоначальные элементы и так сказать предвосхищает и подготавливает во многих пунктах реформаторскую деятельность Петра Великого.

В то же самое время замечаются глубокие изменения в социальной и экономической жизни, обнаруживающие характерные черты современного режима. Старинная аристократическая форма управления страню уступает место все возрастающей дифференциации социальных классов. Правящее «боярство» теряет одну за другою свои привилегии и свою политическую диктатуру, претворяясь в новый привилегированный класс дворян с более широкою и существенно более демократическою базою. Зарождающаяся промышленность дает толчок возникновению третьего сословия. Но, подчиняясь невольню противоречию, составляющему исторический закон этой парадоксальной судьбы, демократическое движение повело совсем не к эмансипации, а к политическому и экономическому порабощению заинтересованных классов. Обращение дворянства в роль правящего класса повлекло за собою превращение свободных крестьян в крепостных. Политическое же влияние, приобретенное новым привилегированным классом, имело тенденцию превратиться во власть бюрократическую. Расцвет буржуазии был остановлен экономическим режимом, который в интересах государства возложил на нее все тягости барщины. Государство, в свою очередь, стремится основать свое всемогущество и свою силу не на свободном развитии, а на возможно полном порабощении всех классов.

Целый ряд потрясающих драм сопровождал эту эволюцию: борьба церкви со светскою властью, сопротивление консервативных инстинктов новым веяниям, борьба совести за свою свободу, ряд кро-

вавых войн, бунтов и возмущений. Именно в эту эпоху, дойдя до своего апогея, своеобразная казачья вольница совершает свои последние великие подвиги, и в ту же пору родился из моря крови раскол к той интенсивной жизни, которая воодушевляет его и в наши дни.

На этой сцене, полной трагических событий, появляются актеры, достойные предназначенной для них роли. Наряду с патриархом Никоном, мощною личностью и творцом церковной реформы, достигает почти эпического величия, выступая на защиту прежних верований, простой поп Аввакум. А сколько еще других фигур ярких, характерных, героических или трогательных стоят рядом с ними: Стенька Разин, атаман возмутившихся донских казаков, колеблющийся между завоеванием Москвы и Тегерана, Богдан Хмельницкий, глава восставших днепровских казаков, пытавшийся восстановить для себя старинное Киевское княжество, и совершенно в других рамках, в недрах родившегося раскола святая, блаженная, по выражению Аввакума, Федосья Морозова.

Михаил Феодорович становится робким основателем династии, но ему помогает, разделяя с ним власть, его отец, невольный монах, импровизированный патриарх и регент на правах отеческого авторитета, являясь чем-то вроде московского Ришелье — фигура чрезвычайно интересная. За ними же следует второй Романов, отец Петра Великого, на которого нельзя не обратить внимания, как на одного из наиболее высоконравственных монархов всех времен и народов.

К этим интересным фактам необходимо прибавить еще один. В XV и XVI столетиях лишь фактам намеченные, стертые в XVII веке европейской культурой, характерные черты московского типа теперь, как раз накануне своего исчезновения, достигают своего полного развития, так что их можно уловить и запечатлеть.

Между тем даже в России эта эпоха до сих пор не явилась предметом какой-либо цельной работы, за исключением общей истории Соловьева, которая теперь во многих отношениях устарела, да и, по политическим мотивам, автор ее не мог произвести достаточно тщательного исследования. Такое же исключение представляет собой и недавно опубликованная третья часть курса истории Ключевского, мастерский труд, ограничивающийся, однако общими положениями и предполагающий основательное знакомство с предметом. Даже царствование Алексея ожидает своего историка после труда Берга, появившегося в 1831 году и не имеющего уже научного значения.

Наш труд и должен восполнить этот пробел. Я не осмеливаюсь сказать, что он будет восполнен целиком, но все-таки надеюсь, что

мне здесь удалось не без некоторой пользы дать несколько общих взглядов и определенных данных.

Что касается частных, то русская литература собрала для этой эпохи достаточно материала в виде монографий и обнародований различных документов. Я использовал их, стараясь их дополнить по мере сил. Так как история России сталкивается во многих местах, особенно в Украине, с историей Польши, то я должен был черпать материал и в польских источниках и даже в малорусской литературе, обогащенной недавно важными работами Грушевского, ставшими частью доступными и европейской публики благодаря немецкому переводу.

Вновь приношу свою благодарность всем тем, кто на протяжении двадцати лет старались помочь выполнению моей задачи. Почти в то самое время, как я оканчивал свою работу, отошел в вечность Иван Иванович Шукин, мой друг или скорее почти сотрудник, поскольку я очень часто и всегда с пользою для себя прибегал к помощи его богатой библиотеки и его обширной эрудиции.

И с чувством глубокой скорби выражаю я последнюю дань признательности на его преждевременную могилу.

Первая часть

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Глава первая

ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ. МИХАИЛ ФЕОДОРОВИЧ

*I. Первый Романов. — II. Наследие Смутного времени. —
III. Мир со Швецией. — IV. Договор с Польшей.*

I. Первый Романов

Восшествие на трон первого Романова, положившее конец Смутному времени, послужило блестящим опровержением народной поговорки, по которой для приготовления заячьего рагу необходим заяц. История, кажется, не знает другого примера образования политического влияния при подобных условиях. Перед нами дворянская фамилия, хотя популярная, но не очень древняя, не принадлежавшая к первому ряду дворянских семей и пережившая целый ряд испытаний; отец нового государя находился несколько лет в опале и испытал ряд самых удивительных приключений. Он был пострижен в монахи в монастыре, превращенном в тюрьму... Он был, наконец, заложником в руках поляков. Перед нами и его мать, также вынужденная принять схиму, вместе со своим сыном жертва всех бедствий внешней и гражданской войны, гонимая с места на место и думающая только о том, чтобы ее и сына оставили в покое...

И из всего этого на заре семнадцатого века в Московском государстве, доведенном до крайней нищеты, и создались национальная династия и сильная власть.

Дело походило на безумное пари. Я уже указал в одном из предыдущих сочинений¹, вследствие какого стечения обстоятельств оно состоялось. Теперь я постараюсь показать, как оно было выиграно.

Один голландец, живший в то время в Москве, выражал уверенность, что у Михаила было одно средство, чтобы удержаться на троне, а именно: подражать Грозному и «купаться в крови по горло». Однако он ошибался.

Первый Романов, напротив был мягким и безобидным правителем.

Он, впрочем, и не думал вовсе быть государем. Сначала он положился на своих окружающих, т. е. на родственников своей матери,

¹ См. «Смутное время».

Салтыковых, и на саму царицу Марфу. Первые представляли собой пособников очень сомнительного качества.

Способные только на интриги, заботясь лишь о захвате мест и богатства, они чуть ли не с первых шагов вносили в дело смуту и опасность. Мать уже по одному тому, что была матерью, оказалась более полезной.

Она положительно вырвала своего ребенка у авантюристов-избирателей, желавших «упокоить его на ложе трех недавно убитых царей»; с такою же энергией она потом защищала его против принятия на себя риска управления. Судя по дошедшему до нас портрету, ее суровые очи под густыми бровями, большой властный орлиный нос и тонкие губы указывали на наличность своевольного характера. Изгнание, монастырская жизнь, долгие лишения, беспрестанные заботы и жестокие обиды еще более закалили и ожесточили ее темперамент. Она начала с того, что смело положила свою руку на сокровищницу прежних цариц. Она воспользовалась этой добычей, чтобы окружить себя людьми, послушными ее словам, всегда бдительными шпионами и преданными воинами. Так, во всеоружии, пошла она навстречу событиям.

Все это еще не было правительством, как и установление новой династии. Собор, т. е. учредительный и избирательный сейм, соединил на время в своих руках всю власть за отсутствием другого органа. Ее и не отнимали у него. В 1615 году по неизвестным нам причинам лишь изменился состав Собора, посредством новых выборов. Потом был распущен в свою очередь и этот второй Собор, были созданы другие в промежутки, до сих пор еще точно не определенные, но, по-видимому, почти не нарушавшие в первые годы нового царствования фактической непрерывности участия Собора в управлении.

Практика парламентского режима не выработала здесь никакого точно определенного принципа, и хотя условия, принятые Михаилом, и расширяли в некоторой степени компетенции «избранников народа», однако по своей неопределенности допускали всякие компромиссы.

Восстановленный совет бояр, Дума, функционировала наряду с Собором, играя в эту минуту слишком неблагоприятную роль, чтобы стать предметом вожделений.

Естественный порядок деятельности здесь часто нарушался. Так, в 1614 году Дума, орган скорей административный, передала выполнение выработанных в отношении к казакам мер Собору, органу уже законодательному, который не участвовал в выработке решения! Немного позже англичане, обратившись к Думе за разрешением некоторых коммерческих привилегий, получили, однако, ответ, что такие вопросы не могут быть впредь разрешены «без представителей всего Государства».

Нам неизвестны точно условия конституционного договора с

Царь Михаил Федорович,
первый московский государь и московский князь.
Литография XIX века

Михаилом. Однако более чем сомнительно, чтобы этот документ содержал в себе оговорки подобного рода. Имеются предания о существовании записи о том, что царь Михаил был «уполномочен» править лишь вместе с Земским собором. Причем это ограничение власти было принято уже по известному образцу. Подобная «запись» прежде была сделана В. Шуйским. Сомнительно, могла ли Дума иметь такую власть, чтобы заставить молодого царя «дать на себя письмо»...

Следуя привычке, преемник Михаила, Алексей еще продолжал созывать Соборы и даже поручал им выполнение текущих дел, но уже при Михаиле, в 1642 году, когда собрание высказалось в громадном большинстве за окончательное присоединение Азова, захваченного казаками у татар, царь принял, в конце концов, противоположное решение.

Здесь были необходимы выдающиеся государственные люди для того, чтобы разобраться в сложных фактах, явившихся последствием крайне сложного кризиса. А приближенные Михаила были, напротив, люди грубые, невежественные, в корне деморализованные, необузданные и спорщики. Между ними постоянно разгорались споры и раздоры, даже в присутствии государя, и после взаимных оскорблений они обыкновенно переходили к драке. Государь не принимал, однако никаких мер для смягчения этих варварских нравов. В присутствии всего двора из-за какого-то ложного обвинения против князя Гагарина по приказанию царя простой секретарь (дьяк) Думы дал пощечину дворянину Леонтьеву. За проступок подобного же рода другой дворянин, Чихачев, получил ряд палочных ударов.

Такие люди не были созданы для того, чтобы направить свое отечество по новому пути. Удивительно, что Марфа, ее сын и те, что служили при них правительством, могли при подобной обстановке справиться с трудностями момента.

Они были ужасны.

II. Наследие Смутного времени

Устраненный наполовину, долгий кризис поверг страну в состояние анархии и ужасающей нищеты. Разграбленные деревни, разрушенные города, социальные классы в полном разложении; всюду хаос и запустение. В течение десяти лет крестьяне и горожане не переставали убегать из своих разрушенных жилищ, оставляя поля необработанными, и великое переселение все еще продолжалось. Хотя неприятельские войска и были отброшены, но вся страна подвергалась еще нападениям отдельных шаек, польских партизан, казаков и мародеров.

Марина и Заруцкий еще держались, и я уже указывал на то, как

Инокия Марфа, Ксения Ивановна, урожденная Шестова.
Супруга Федора Никитича Романова,
мать царя Михаила Федоровича.
Литография. XIX века

они продолжали еще преследовать свои несбыточные мечты и свою безумную авантюру до июня 1614 года¹.

Даже после захвата этой парочки и после смерти сына Марины нельзя еще было сказать, что смута подавлена и что ослушники всякого рода, восставшие против всякого проявления политического или социального порядка уничтожены. Они продолжали бороться под предводительством других популярных и смелых начальников: Захария Заруцкого, Янко Баловня и других. Изгнанные из центральной области, они хозяйничали в северных областях, от Холмогор до Архангельска, от Ваги до Каргополя, совершая там самые ужасные грабежи, увеличивая число самых гнусных эксцессов. Так, они набивали порохом рот и уши своих жертв и подкладывали туда огонь. И истощив все усилия, Собор в сентябре 1614 года не придумал другого средства, как послать для увещания этих разбойников нескольких священников! Баловень исполнился новой смелости, отступил к югу и угрожал некоторое время Москве.

Не было войска; то, которое изгнало поляков, представляло собой лишь милицию, всегда готовую разбежаться на завтра после победы. Из нее уже не оставалось ни одного человека. Не было денег для улучшения военной организации, уже слишком архаической, находившейся в полном разложении. Любопытно следующее, и в этом обнаруживается, насколько сильны некоторые традиции даже там, где их менее всего можно было ожидать: чтобы пополнить недостачу в государственном казначействе, Собор и Дума не нашли ничего лучшего, как испросить прибавления в области доходов потребления спиртных напитков. Было увеличено число кабаков, и государственный фиск ревниво оберегал там право своей монополии.

Но для того чтобы пить водку, расточаемую даже официальными Ганимедами, необходимо было иметь, чем за нее платить. И когда выяснилось, что этот род промышленности не даст достаточно много прибыли, в 1615 и 1616 годах Собор учредил чрезвычайную подать, носящую название «пятины». Это был налог на доход в размере 20%. Еще добавили подать в 120 рублей за соху, представляющую собою земледельческую и податную единицу, размер которой очень трудно учесть. Мы к ней еще вернемся. Одна фамилия, Строгановы, крупные торговцы и не менее крупные собственники, должна была уплатить 56 000 рублей, громадную сумму по тому времени. Впрочем, они были единственными богачами в целом государстве.

Не одни только Заруцкий и Баловень угрожали Москве. Поляки были уже выгнаны из Московского государства, но Владислав оставался еще избранным царем Москвы и не отказывался от своих прав. С другой стороны, шведы обосновались уже в Новгороде, и брат Гус-

¹Смутное время.

тава-Адольфа, принц Филипп, заставил себя признать там государем, высказывая при этом явное намерение присоединить все остальное к этой части распавшегося государства. Наконец, отец Михаила оставался еще в плену.

Первою заботою новых правителей явилось заключение мира с Польшею и освобождение Филарета. Однако достигнуть этого было далеко нелегко. Денис Аладьин, посланный с этою двойною целью 10 марта 1613 года в Варшаву, очутился в затруднительном положении, не зная, с кем и от имени кого ему действовать. Король Польский признавал царем лишь своего собственного сына. Сам Михаил даже присягал этому государю! Для того чтобы освободить Филарета, Аладьин предложил обмен пленными, но в московских тюрьмах не оказалось ни одного поляка, так как почти все были задушены!

Сигизмунд не удостоил даже отвечать на эти предложения. Польский сенат оказался более сговорчивым. Ему также было над чем призадуматься в финансовом вопросе: польским войскам очень мало или почти ничего не платили, и они потому занимались добыванием себе жалованья на собственных же землях, с помощью грабежа и хищения.

Но у короля оставались еще личные средства, на которые возможно было нанять наемников, и благодаря этому враждебные действия приняли, когда возобновились, благоприятный оборот для Московского государства. Здесь особенно сильно чувствовалось полное истощение, а плохое состояние военного дела усугублялось еще плохим подбором командовавших лиц.

Главную оборону страны составляли укрепленные города, но они оставались почти без всякой защиты. Летописи Углича, например, говорят о сломанных мостах, пробитых башнях, засыпанных рвах; из числа гарнизона шесть артиллеристов умерло от голода; ни пороха, ни хлеба, и почти полное отсутствие жителей.

Командование передавалось, кому попало: два князя, Андрей Хованский и Иван Хворостинин, спорили о местничестве при распределении обязанностей, и из-за споров забыли о неприятеле.

В июле 1613 года неприятель подошел к Можайску и Калуге, где герой войны за независимость, знаменитый князь Димитрий Пожарский заболел от истощения, померявшись силами со знаменитым Лисовским. Переходя с места на место с фантастическою быстротою, делая до 150 верст в день, проходя, как тень, между Можайском и Вязмою, потом между Владимиром и Муромом, и тотчас же между Тулою и Серпуховом, неуловимый со своею горстью неутомимых кентавров, этот партизан передал потом свое имя банде, прославившейся на германских полях во время Тридцатилетней войны.

Враждебные действия и с той и с другой стороны не привели ни к какому решительному результату, — тогда перешли к переговорам. В Варшаве появились новые московские посланники с доверитель-

ными грамотами от Собора, причем в них подпись Михаила красовалась на четырнадцатом месте наряду с именами бояр. Дошли даже до этого! Если бы посланные рискнули произнести имя царствующего государя, против этого протестовал бы сам Филарет: не он ли был сам уполномочен Собором для того, чтобы добиться согласия Сигизмунда на царствование его сына? Посланные апеллировали к воле Бога, решившего дело иначе.

— Ну, вот еще! — возразили им поляки, — это донские казаки задумали создать себе государя из вашего поповича!

— А что за царь был бы ваш Владислав? — заметили москвичи. — Он думал управлять нами посредством кожевника, Федьки Андропова.

— А вы решили его заменить мясником Мининим.

Напрасно посланник императора, Эразм Ганделиус, старался взять на себя посредничество. Император сам не решался признать соперника Владислава и, когда другие московские посланники заявили в Вене, их отослали обратно с письмом, обращенным к одним только боярам. В нем имя Михаила даже не упоминалось.

Эти посланники во время их миссии наводили ужас и были предметом насмешек всей Германии: в Гамбурге они покушались на невинность одной англичанки из хорошего общества; в Гааге, в гостях у казначея, они пытались растлить его дочь. В Вене император, оскорбленный другими выходками подобного же рода, приказал отобрать от них дарованные им золотые ожерелья, украшенные его портретом¹. В июне 1616 г., после новых многочисленных попыток, предпринятых во всех европейских дворах, щедрая раздача соболей, частью которых милостиво согласились воспользоваться советники Матвея, доставила даже самому ловкому из московских дипломатов, Лукьяну Мясному, лишь словесные обещания: император не будет помогать Польше и предложит ей даже заключить мир.

Голландия, только что окончившая войну, оказала надоедливый ходатаям гостеприимство, за которое те отплатили, как мы видели, только одними гнусными поступками. Англия обещала свою поддержку против Швеции, но ставила взамен этого довольно неопределенные условия: свободное плавание по Волге для торговли с Персией, по Оби, для поисков пути в Индию и Китай, право свободной эксплуатации Новой Земли и позволение заниматься горным промыслом в бассейне Сухоны... Не захотела и Турция напустить татар против поляков, так как она была занята походом на Персию, а татары ей жаловались, что донские казаки получают из Москвы подмогу провиантом и деньгами для постоянных набегов на Азов. Только одна Персия, желая добиться прощения за ее недавние связи с Мариной и Заруцким, вняла призыву и торжественно раскрыла свою

¹ Соловьев. История России, т. IX, стр. 72.

сокровищницу в распоряжение «Белого Царя». Но из ее серебряных слитков удалось лишь получить 7 000 рублей.

Этого было недостаточно для продолжения войны на два фронта. Здравый инстинкт советников Михаила побудил их сначала покончить с самым страшным из обоих противников, с которым приходилось сражаться.

III. Мир со Швецией

Густав Адольф, подходя к положению с той же верностью взгляда, не колебался по поводу той пользы, какую он мог извлечь из положения. До избрания Михаила он делал вид, что поддерживает притязания брата. После этого события, продолжая военные действия, даже лично предводительствуя при взятии Гдова (в сентябре 1614 г.) и подготавливая осаду Пскова, он, тем не менее, дал своим уполномоченным приказание заключить договор с новым царем: он решил удовольствоваться одною Балтийскою империей. В июле 1615 года, лишившись под стенами Пскова лучшего из своих генералов, Эверта Горна, он ускорил переговоры, окончательно состоявшиеся в Дедерине под Хвостовым, причем посредниками явились английский агент Джон Мерик с голландскими послами.

Один из последних, Антоний Гетеерис, оставил нам мрачное описание состояния страны: в пустынной равнине кучи пепла указывали места сожженных деревень, кое-где лишь попадались полуразрушенный монастырь или изба, вход в которую был закрыт целою кучею мертвых тел...

Как и всегда, при встречах подобного рода, между москвитами и западными людьми соглашению предшествовал ряд праздных разговоров и оскорбительных речей. Опираясь на трактат, передававший Швеции Карелию в обмен на отряд вспомогательного войска, отданный царю Шуйскому, шведы требовали возвращения этой области.

— Но ваши солдаты изменили нам!

— Вы им не платили!

— Молчи, Яков Делагарди, ты получил деньги, но ты положил их в карман.

Эти и без того затруднительные переговоры, прерванные после подписания простого перемирия, затем продолжавшиеся при помощи переписки и вновь возобновленные в Столбове, осложнились еще притязаниями Москвы на военную помощь со стороны Швеции против Польши. Наконец, 27 февраля 1617 г. был подписан вечный мир. Добившись вместо желанного союза восстановления Новгорода и отказа Филиппа от наследия Рюрика, москвиты дешево отделались от большой неприятности. Они уступили только свои весьма сомнительные права на Ливонию и Ингрию и несколько местностей: Ивангород, Ямбург, Орешек, Нотебург, Кексгольм (Шлиссельбург). Но зато, как это указал Густав-Адольф в своем торжествующем письме

к матери, эти места представляли собою ключи к Балтийскому морю, те самые пункты, для захвата которых, одним веком позже, должен был напрячь свои усилия Петр Великий¹.

Основываясь на праве взаимной торговли, шведы, кроме того, снова открыли свои старые конторы в Новгороде, Пскове и Москве, уступив в свою очередь те же привилегии московитам в Ревеле и распространив их на Выборг и Стокгольм.

В этот союз вошел, таким образом, Новгород, отказавшись, без большего труда, от своей мечты об автономии, в которую сумели внести некоторое разочарование шведы. Всеобщая амнистия, дарованная городу, и торжественное перенесение в его стены чудотворной иконы Божией Матери, взятой из соседнего монастыря в Тихвине, освятили восстановление прежнего порядка.

Англия совершила неудачный торг в таком договоре. Когда Джон Мерик потребовал уплаты за свои добрые услуги, ему указали, что дорога в Персию по Волге несколько ненадежна из-за разбойников, что путь в Индию и Китай по Оби недоступен из-за льдов, загораживающих почти постоянно эту реку, и что кроме того Китай не-большая и небогатая страна².

И этот честный посредник должен был удовольствоваться золотым ожерельем, из которого не был вынут царский портрет, и мехами, среди которых, наряду с очень редкими соболями, было обидное количество сибирских белок.

Но еще меньше мог поздравить себя с таким событием другой противник Москвы.

IV. Договор с Польшей

Польша между тем упустила драгоценное время. В ноябре 1616 года одному из ее лучших полководцев, Александру Госевскому, удалось снять блокаду со Смоленска, заставив при этом быстро отступить московских воевод Михаила Бутурлина и Исаака Погожева, но вотированная сеймом отправка большой армии в поход оставалась лишь в проекте ввиду отсутствия достаточных средств. В апреле 1617 года Владислав, рискнув выступить по дороге в Москву с каким-нибудь десятком тысяч войска, должен был вернуться в Варшаву для получения подкрепления, и только в сентябре появился сно-

¹ *Geijer*. Svenska Folkets historia, т. II, стр. 96—97. Сравни. *Forsten*. La Question de la Baltique, т. II, стр. 418 и сл., 134 и сл.

² *Соловьев*. История России, т. IX, стр. 118. О трактате см. в полном Своде Законов, т. I, стр. № 19, Собрание государственных грамот и договоров, т. III, ст. 34, 35. Акты исторические, т. III, стр. 284. Добавления к Актам историческим, т. I. стр. 160, 162, 164, 166, т. III, стр. 3, 4, 11, 12, 14, 20, 21, 32, 42, 44. Ср. The present state of Russia. т. II, стр. 266—9. Соловьев, прив. место т. IX, стр. 114 и сл.

ва под стенами Дорогобужа. Среди его приближенных находилось несколько выдающихся москвитян, — Михаил Шеин, князь Георгий Трубецкой, — и присутствие их, без сомнения, побудило местного воеводу, Ивана Адаурова, сдать город и присоединиться к польско-му царю со всею местною знатью.

В свою очередь и Вязьма открыла ему ворота, и Владислав тотчас же послал в Москву манифест о своем скором прибытии, вместе с патриархом Игнатием — поставленным первым Лжедмитрием (плохая рекомендация!), который должен был благословить его на коронование.

Посылая такого рода заявление, Владислав не принял во внимание двух препятствий, которые могли встать на его пути: зимы, которая вскоре должна была прекратить военные действия, и недостаток денег, не позволявшего возобновить их ранее июня следующего года. Можайск и Борисов были эвакуированы к тому времени приказом из Москвы. Там царил страшная паника, и доступ в столицу, казалось, был открыт. Но у Владислава было слишком мало людей с собою; он хотел подождать прибытия 20 тысяч казаков, которых вел к нему малорусский гетман Конашевич, испытанный вояка. Взяв приступом переход через Оку и расстроив попытку московского гарнизона помешать его соединению с поляками, храбрый солдат совершил все, что мог, но в это время первые холода суровой зимы дали снова себя почувствовать.

Владислав не потерялся, и Москва уже думала, что возобновляются страшные дни Тушина. Польский король расположился лагерем в том самом месте, где разбил свою палатку второй Лжедмитрий. Но положение не было таким же. Поляки могли тогда войти в Кремль без выстрела, они казались все же лучше Тушинского Вора. Владислав же видел необходимость осады, и полная неспособность находящихся под его командою воинов к этому виду операций обнаружилась. Неудачные наступления, суровое время года и неповиновение войск быстро пробили дорогу к новым переговорам.

Когда поляки, желая всячески отклонить затруднение, вызываемое титулами, стали называть Михаила: «кого вы называете теперь вашим царем», соглашение быстро состоялось. Москве был большой расчет пойти на соглашение.

Столица твердо держалась, но сеймики в Польше были расположены к голосованию за выделение больших субсидий. Конашевич и его запорожские казаки протестовали против мира, донские высказывали желание их поддержать, наконец, повешенный вместе со своею матерью сын Марины, как рассказывали, вышел из могилы, после чудесного спасения, и получил приют у киевских монахов.

Правда, 15 февраля 1619 года в деревне Деулино, по соседству с Троицей, не могло состояться соглашение по поводу условий проч-

ного мира, — было лишь заключено перемирие на четырнадцать с половиною лет. Могло показаться, что Москва заплатила за него очень дорого; со Смоленском, Белым, Дорогобужем и доброй дюжиной других местечек она отдавала всю линию своей защиты на западной границе. И такую цену она даже не добыла отречения Владислава от титула, оспариваемого им у Михаила. Но на деле Польша потеряла значительно больше: для нее была потеряна последняя возможность использовать спор, тянувшийся с шестнадцатого века с ее соседкою, за гегемонию в славянском мире.

Теперь уже становилось ясным, что раз Владислав отступил из Москвы, не добившись наследия Рюрика, Варшава станет однажды добычею других претендентов, которых он оказался не в силах отразить.

Это отдаленное последствие ускользало от предвидения деятелей этой эпохи, потому что они не замечали настоящей причины странных поворотов счастья, постоянно мешавших в этом трагическом поединке одной из соперничавших держав собрать плоды самых решительных удач, а с другой стороны дававших возможность ее конкуренту оправиться после самых тяжелых поражений.

Они никак не могли учесть значения сил, пушенных в данном случае в ход: с одной стороны молодой народ, плохо еще установившийся, но в полном росте, в полном соку, и, как по темпераменту, так и по привычкам, прошедший самую суровую дисциплину и принесший самые тяжелые жертвы; с другой стороны нация преждевременно состарившаяся и как бы зачахшая в удушливой атмосфере политической борьбы, где вся ее энергия и все способности совершенно односторонне гипертрофировались, и вместе с мужественной решимостью исчезло и сознание долга.

1 июля на маленькой речке Поляновке закончился обмен пленными, воротивший Польше лишь несколько калек и отдавший Москве отца ее государя. 14-го того же месяца, идя пешком впереди праздничного экипажа, — саней, на которых, несмотря на время года (таково требование этикета), восседал Филарет, — Михаил вернулся торжественно в столицу освобожденного «заложника».

Что делать с этим священнослужителем? История не дает прецедента такого отца, в клобуке, и коронованного сына. К счастью, после смерти Гермогена, которого поляки будто бы уморили голодом, патриарший престол оставался свободным: Игнатий не принимался в расчет. И Филарет сделался патриархом. Он не получил никакого религиозного воспитания, и вкусы его были довольно светскими. Но даже на Западе в эту эпоху не считались в подобных случаях с такими препятствиями, и Филарет мог идти по стопам Ришелье, хотя и не обладая тем же гением, но вдохновляемый тем же честолюбием. Церковь и государство одинаково нуждались в главе, и последнее не менее первой выиграло от этого события.

Глава вторая РЕСТАВРАЦИЯ

I. Двуглавое правительство. — II. Брат Михаила. — III. Дипломатическая кампания. — IV. Опыт военной реформы. — V. Смоленская катастрофа. — VI. Появление новых претендентов. — VII. Обручение царевны. — VIII. Реставрация. — IX. Реорганизация администрации. — X. Социальная и экономическая эволюция. — XI. Прогресс

I. Двуглавое правительство

Двуглавый орел, принятый московскими царями после брака Ивана III с последнею из Палеологов, получил в этот момент совершенно другое, неподвиженное, символическое значение. Имея одного лишь царя, государство тем не менее управлялось двумя государями, и отношения, установившиеся с первого же часа между отцом и сыном, поддерживались очень мирно к общему их благополучию.

Семейный принцип, так сильно развитый в этой среде и представлявший, несмотря на некоторые эксцессы, особенно ценную моральную связь, устранял всякий конфликт. У Филарета было то, чего недоставало Михаилу, чтобы фигурировать с некоторым достоинством в роли управителя, или даже пытаться фигурировать в качестве такового: честолюбие, любовь к власти, жизненная опытность, определенное умение схватывать вещи благодаря той же опытности и чувство авторитета. Бразды правления совершенно естественно перешли в те руки, которые были всего более способны их держать.

Необходимо решительно отбросить возникшую по этому поводу гипотезу о государственном перевороте¹. Свидетельства эпохи положительно противоречат этому². Тут даже не существовало никакой возможности узурпации власти. Начиная со смерти «Грозного», благодаря неизбежным ограничениям, которые самый способ восшествия на престол доставил его преемникам, прогрессивное ослабление самодержавия клонилось чуть не к полному от него отречению. Этой фикции абсолютного самодержавия совершенно парадоксально противопоставлялась такая же фикция свободных учреждений, возникших в эпоху смуты.

И последняя фикция создала между ними пропасть, которую не были в состоянии восполнить ни Собор, ни Дума. В самом деле, необходимо было вновь создать правительство, и так как Михаил и не думал взять на себя подобную задачу, за нее взялся Филарет, подготовив почву для своего внука.

¹ *Fockeroth*. *Russland unter Peter dem grossen*, стр. 23.

² Письма русских государей, изд. Комиссии Государственного Архива, т. 1, п. 14, 17, 21, 36, 37, 40, 55, 185, 267, 369, 378.

Отношения сына к отцу, отличавшиеся большою нежностью и принявшие характер почтительного уважения, были особенно кстати в данном случае¹. Они позволяли им даже официально сообщать управлять. Отец участвовал в большинстве решений. Если какое-либо из них не встречало его предварительного согласия, оно или отменялось, или исправлялось². Когда Филарет отсутствовал, Михаил сначала всегда спрашивал его мнения, постоянно сообщая ему обо всех текущих делах. «Как ты об этом думаешь?» писал тогда патриарх, «по-моему»... И данное им указание исполнялось.

Даже в официальном протоколе удваивалась верховная власть и титул «великого государя» — соответствующий «Его Величеству» — одинаково прилагался и к отцу и к сыну. Иностранные посланники представляли им обоим свои вверительные грамоты и свои подарки на основании церемониала, установленного еще Борисом Годуновым в эпоху его власти. А между тем Ришелье так и не смог добиться этого от своего равнодушного государя. Несмотря на изоляцию, в которой обреталась в эту эпоху Москва, нет никакого сомнения, что пример всемогущего кардинала отчасти способствовал установлению этих отношений. Моральная непроницаемость народов, даже наименее поддающихся внешним влияниям, никогда не бывает безусловной.

А вдовствующая царица! После нового появления на сцену ее мужа, которого она уже потеряла и не была в состоянии снова заполучить, роль ее оказалась сыгранной. Если бы они не были по жестокой игре судьбы, перевернувшей все их существование, монахом и монахиней, Филарет отправил бы ее в терем. Став теперь патриархом, он послал ее в монастырь. А вместе с ней пали и ее докучливые родственники, которых она выдвинула вперед, хотя они и более старались защищать завоеванные места свои. Немилость, постигшая Салтыковых, была ускорена скандальной интригой, которой они лишили Михаила невесты, выбранной им. Оказывается, сын даже не мог жениться без вмешательства отца.

II. Брак Михаила

Этот эпизод рисует собою интересную картину нравов этой эпохи. В 1616 году молодой царь остановил свой выбор на Марье Ивановне Хлоповой. Семья этой избранницы принадлежала к ряду приверженцев Романовых. Уже было отпраздновано обручение, и по господствующему тогда обычаю будущая царица переименовала свое имя на имя Анастасии, напомилавшее жителям Московского госу-

¹ *Попов*. Собрание, стр. 306 (летопись архиепископа Пахомия). Ср. *Ключевского*. Боярская дума, стр. 547.

² Собрание государственных грамот и договоров, т. I, п. 25, 231, т. III, и 52, 55, 58, 64.

Царица Евдокия Лукьяновна.
Супруга царя Михаила Федоровича.
Литография. XIX века

дарства дорогую им память о первой жене Грозного, как вдруг указом об изгнании несчастную молодую отправили в Тобольск вместе с некоторыми ее родственниками.

В чем была ее вина? Она вдруг заболела, сделалась, по свидетельству придворных врачей, неспособной «служить радостям государя», т. е. виновной, раз Провидение считало ее достойной подобной немилости. По тогдашним воззрениям, болезнь считалась Божиим наказанием.

Таково было положение вещей, когда Филарету, вернувшемуся в Москву, вздумалось самому взять на себя разбор дела. Подвергли допросу духовника невесты, и он засвидетельствовал ее полную невинность; другие же указания дали повод патриарху заподозрить неправильность диагноза, по которому осудили царицу. Впрочем, он удовлетворился лишь полуреабилитацией. Хлопову перевели из Сибири, где ей пришлось подвергнуться самым суровым лишениям, в Верхотурье, где она получала на прокормление по десяти копеек в день, а потом отправили в Нижний Новгород.

У отца были другие виды на женитьбу сына. Начиная с 1621 и по 1623 год, он возобновил в Копенгагене и в Стокгольме попытки, в которых в прошлом не было ровно ничего утешительного, и только ряд неудач в этом направлении заставил его вновь заняться этим браком, заключенным и расторгнутым в его отсутствие. Розыск показал, что Салтыковы воспользовались простым расстройством желудка, причиненным невесте царя обильно принятой пищей. Один из них, Михаил Михайлович, только что поссорился с одним из дядей молодой девушки. Как он, так и его братья, подверглись в свою очередь конфискации имущества и ссылке. Но и Хлопова не осталась в Нижнем Новгороде, благодаря настоянию царицы Марфы, употребившей всю свою энергию и влияние для защиты своих родственников против худшего наказания, которым для них было бы торжество их жертвы. Таким образом, семейная идея властно восторжествовала над всеми прочими расчетами.

В сентябре 1624 г. Михаил женился на княжне Марии Долгорукой, но потерял и эту подругу спустя несколько месяцев и повел на следующий год к алтарю дочь одного дворянина темного происхождения, Евдокию Стрешневу¹. Она вскоре подарила ему сына Алексея. Таким образом, право наследства было упрочено за новою династией. Но само наследие все еще являлось ненадежным. Правда, от поляков временно избавились, но зато передали им ключи от дома, и у этих соседей, ставших еще более грозными, уже намечалась очень опасная для Москвы перемена царствования. Обуреваемый

¹ См. по поводу этой государыни очерк Милорадовича в «Русском Архиве», 1897 г., т. III и 1901 г., т. I.

религиозными сомнениями и чувством ревности, Сигизмунд очень слабо поддерживал предприятия своего сына. Он постарел, и его здоровье быстро клонилось к упадку. Не было никакого сомнения в том, что, наследуя своему отцу, Владислав, как человек воинственный и честолюбивый, страстно любящий ремесло солдата, которому он предавался еще с ранней поры, и очень мало религиозный, не преминет отплатить за свои прошлые неудачи. Стараясь женить Михаила в Швеции или в Дании, Филарет, планировавший непрочную еще судьбу молодой династии, мечтал не только повысить ее престиж, но и заручиться опорой против нового врага. Он совершенно справедливо полагал, что Московское государство, оставшись одиноким, не может противопоставить ему достаточных сил. Потерпев неудачу в области подобных брачных комбинаций, он все же не оставлял надежды хоть на политический союз, и вполне основательно мог льстить себя надеждой, что встретит в этом отношении меньше препятствий. И в этом споре, ополчавшем друг на друга обе половины славянского мира, сама судьба наталкивала противников на призыв иностранца, и этот иностранец, через сто пятьдесят лет, в самую решительную минуту в самом деле вмешался в их спор — чтобы неправильно его решить.

III. Дипломатическая кампания

И чужеземец был далеко не прочь вмешаться в такое дело. Борясь в Польше и Германии против католической коалиции, Густав-Адольф дважды, в 1626 и 1629 г., не брезговал явиться в Москве умиротворителем. Если он и не думал о русской армии, то все же хотел, по крайней мере, присоединить к своим знаменам некоторое количество казаков для борьбы с бандою Лисовского, оказывавшего большие услуги имперцам. Посланники шведского короля сильно торопились с заключением союза. Но Москва, отказавшись принять участие в борьбе, раздиравшей всю Европу, сама отказалась от счастья. Как только она отказалась нарушить перемирие с Польшею и открыто вмешаться в военные действия, Ришелье сейчас же создал образец «скрытой войны», вмещавшей в себе массу удобств и выгод.

У московского Ришелье, пытавшегося идти подобным же путем, не хватало для этого смелости и решительности. Увильнувшись сначала от этих предложений, он в 1631 году был склонен принять их, однако Густав-Адольф тогда уже заключил договор с Польшею. Тем не менее, переговоры продолжались. Швеция уполномочивала для них поочередно случайного дипломата, москвитя Александра Рубца или Рубцова, попавшего к ней на службу после одиннадцатилетнего плена в Польше; потом одного немца, Иоганна Мюллера, который был первым ее постоянным резидентом в Кремле. Отказываясь до сих пор от предлагаемого союза, здесь, однако не теряли времени:

деятельно готовились к войне и уже говорили о том, что ее необходимо объявить Польше немедленно. Мюллер ответил на это предложением двух шведских полков и просил изволения набрать несколько других среди днепровских казаков. В свою очередь Густав-Адольф рад был воевать под сурдинку. Однако было уже слишком так распорядиться чужим добром. Днепровские казаки зависели от Польши, которая едва могла держать в руках это буйное братство, все же удерживая его от покушений на измену. Шведские и московские вербовщики были выпровожены, рискуя своею жизнью в подобных попытках, а немного спустя смерть победителя при Люцене положила конец всему предпрятию¹.

Но и стучась при этом в другие двери, московская дипломатия не была удачливее. Еще до Деулинского перемирия она вытянула из Англии заем в 100 000 рублей, превратившийся в 20 000 благодаря мошенничествам посредников. А в 1623 году она хвастливо заявляла, что вовлечет своих кредиторов в обширную анти-польскую коалицию, в которой должны были участвовать вместе со Швецией и Данией также Нидерланды, но добилась в результате лишь града унижительных насмешек.

Эта дипломатия шла еще ошупью и легко сбиваясь с плохо проторенных путей. Так, в 1615 году, посылая во Францию Ивана Кондырева, она думала снискать помощь правительства Кончини против Польши и Швеции. Но ни маршал Анкрский, ни его преемники даже не подумали отвечать на подобное предложение; сам Ришелье несколько не торопился, и только в 1623 году первый француз, предназначенный для вручения слов Всехристианнейшего короля отдаленному северному двору, получил верительные грамоты. То был барон Людовик Де-Курменен из Гааги, сын губернатора Монтаржи. Будучи сначала пажом, потом метрдотелем Людовика XIII, начиная с 1621 года посылаемый для различных поручений в Данию, Германию, Пруссию, этот молодой дипломат — ему было в это время всего тридцать семь лет — кончил плачевно. Страстно честолюбивый он мечтал о месте шведского посланника, которого не получил, ударился в интриги, близкие к государственной измене, и кончил на эшафоте. В Москве он сыграл довольно жалкую роль. Ришелье был не прочь соединить против Польши, союзницы императора, с враждебным им лагерем и Московское государство. Но французский посланник неловко ввязался в детский спор об этикете и сделал еще более неудачный шаг, показав, что ему диктовало предложения духовное лицо. Казалось, он исключительно имел в виду организовать исповедание католического культа в столице православия. У него было на уме нечто совершенно другое, но, оскорбляя

¹ Соловьев. История России, т. IV, стр. 179–184.

с одной стороны весьма законную обидчивость, он с другой стороны натолкнулся на стену предрассудков, рутины и частных интересов, обрекавших его миссии на неизбежное крушение.

Ришелье шел всячески навстречу союзникам, которых надеялся заполучить к себе против австрийского дома. Взамен оборонительного и наступательного союза, он требовал лишь экономических сделок, одинаково выгодных обеим сторонам. С одной стороны, Франции улыбалась дорога в Персию, зато Московское государство получит возможность непосредственно пользоваться французскими товарами, в которых оно начало понимать толк, тогда как посредники английские, голландские или брабантские наживали на их цене значительные куртажи.

К несчастью, московские купцы все держались за свою персидскую монополию, от которой, впрочем не имели большой выгоды, а с другой стороны, коммерческие соперники Франции, вступив в отчаянную борьбу, все соединились против общего врага для защиты приобретенного ими положения. Нидерланды предупредительно согласились бойкотировать польский порт Данциг, они были готовы торговать преимущественно с Архангельском, и польский король теряет в год до 100 000 экю. Против этой комбинации поднялась английская монополия, но Курменена тем не менее не выпроводили.

Одно время, за неимением лучшего, был уже на дороге к осуществлению союз с Данией, и оба правительства уже готовы были обменяться грамотами, как в дело опять вмешался этикет. Ссылаясь на привилегию, приобретенную его шведским соседом острием меча, датский король требовал, чтобы и его имя было написано в трактате прежде имени царя. Это затруднение окончательно сгубило союз, уже наполовину заключенный, и царь, гордясь своим величием и не желая уступить такому ничтожному государю, остался лицом к лицу с «венгерским королем», т. е. сделался жертвою простой мистификации. Этим «венгерским королем» был Бетлен Габор. В Москве не имели точных сведений о путаных спорах этого претендента с Австрийским домом, как и о том, выйдет ли он победителем из борьбы, и потому оказали пышный прием обоим его посланникам, случайно бывшим французами: Шарлю де Талейрану, маркизу Асседевильскому, и Жаку Русселлю. Но постоянно ссорясь друг с другом и обвиняя один другого, они сами дискредитировали свое дело. Маркиза водворили в Костроме, где Габор не мог уже оказать ему никакой помощи, так как скоро умер. Ришелье, казалось, остался равнодушен к авантюре, которой он, быть может, и был чужд, граф Суассонский, желая выручить пленника из этого скверного положения, не был в состоянии в 1632 году придумать другого средства, как просить вмешательства Карла I и Генриха Нассаусского, но и старания последних при посредстве другого француза, Гастона Шаронского, тоже остались без всякого результата. Только в 1635 году добилось лучшего успеха посольство Людовика XII.

Но Москва все еще не имела союзника в борьбе, которую она должна была считать близкой и неминуемой. Даже от Турции она не могла ничего ожидать. Осман II предложил ей в 1621 г. действовать сообща против Польши, но Филарет не считал себя достаточно подготовленным. Страна после перенесенных страшных испытаний была еще настолько слабой, что даже крымские татары разоряли безнаказанно мелкими отрядами юго-восточные области. Тогда Осман сам предпринял уже один неудачную кампанию. На возвратном пути он был убит своими же янычарами, и Порты, погрузившись в омут внутренних беспорядков, некоторое время оставалось бессильной.

Из Европы Московское государство таким образом еще раз было отброшено в Азию. Но и в Персии Аббасу приходилось по временам жаловаться на обращение с его послами. Хотя в Кремле и считали нужным терпеть некоторых иностранцев, их всегда считали или шпионами, или заложниками. На этот счет ни принимались никакие обоюдные отношения. В 1620 году совершенно случайно, посланник царя в Тегеран, Тюхин, услышал в своем присутствии оскорбительные отзывы о своем государе. И ему по возвращении дали за это семьдесят ударов кнутом, жгли его тело раскаленными щипцами, и он должен был считать себя счастливым уже тем, что на всю жизнь был брошен в сибирскую тюрьму¹.

Тем не менее, царь и шах оставались добрыми друзьями, и в 1625 году посланник Аббаса, Руссан-бек, вызвал в Москве целую бурю радости, привезя с собою если не средства победить Польшу, то по крайней мере залог такой победы: хитон Господень, найденный в Грузии! Так как подлинность реликвии была доказана происшедшими вокруг нее чудесами, то в Москве надеялись получить от щедрого дарителя более существенную помощь. Но, увы! вместо нее князь Григорий Тюфякин привез с собою лишь — прекрасную персиянку, спрятав ее в чемодане.

Тогда в Москве окончательно убедились, что в предстоящей борьбе придется рассчитывать лишь на свои собственные силы, и потому там ясно сознали полную необходимость основательной реорганизации всего военного дела.

IV. Опыт военной реформы

Архаическая как по способу набору рекрутов, так и по своему снаряжению, масса польской армии, состоявшая исключительно из конницы «посполитного рушения», все же заимствовала более выработанные способы боя, взятые из иностранных образцов, или выработанные на месте.

Еще начиная с Батория, придумавшего тактику, доказавшую свое

¹ Соловьев, прив. место, т. IX, стр. 204.

превосходство даже в борьбе со шведами, эту кавалерию сверх того подкрепляла пехота, набранная по большей части в Германии или Венгрии, обученная и вооруженная по европейски и все более и более многочисленная. К чести царствования первого Романова нужно отнести и то, что он вдохновился этим примером и взял на себя инициативу в создании новой русской армии с 1626 по 1632 г.

В то самое время, как им были посланы вербовщики на запад для найма 5000 человек пехоты, для приглашения на царскую службу литейщиков пушек и для закупки оружия, московские солдаты методически обучались иностранными инструкторами. В этом новоиспеченном войске уже фигурировали в первый раз местные всадники, вооруженные по германскому образцу, и местные стрелки, обученные по способу, практикуемому в полках наемной шотландской пехоты¹.

Известно, что во Франции первый опыт организации постоянной армии относится к эпохе Карла VII и уже в XII в. замечается тенденция на Западе не брать к себе иностранных наемников. Вступив на путь прогресса, Москва все же, как видно, отстала и, как и во Франции, ее попытка натолкнулась на большие денежные затруднения. Так, в один год от сентября 1632 года до сентября 1633 г. иностранные наемники поглотили 430606 рублей, тогда как для контингента почти в двадцать раз большего из туземной милиции издержки равнялись лишь пятой части этой суммы.²

Усилия делались чрезвычайные, хотя они и не были немедленно же вознаграждены. Народ, от которого их требовали, казалось, был создан для бесплодных жертв и долготерпения. В том то и состоит заслуга Михаила и его преемников, что они не отошли от раз принятого пути, несмотря на самые расхолаживающие неудачи. Настоячивость среди превратностей судьбы составляла половину гения Петра Великого: его дед, хотя и более скромный, тоже не поддавался неудачам, способным обескуражить самых сильных людей.

Впрочем, ни он, ни Филарет, не были в состоянии учесть истинную цену произведенного им нового военного улучшения. Новизна его заставила их ошибиться насчет его значения.

Сначала боясь помериться с Польшею, они теперь стали страстно желать войны с нею и, несмотря на целый ряд одновременных дипломатических неудач, шесть лет от 1626 до 1632 для них были наполнены каким то лихорадочным ожиданием стечения благоприятных обстоятельств для объявления задуманной войны.

По какому-то странному настроению, обличающему как слабость мысли обоих правителей, так и силу их иллюзий, событие, доставившее им этот благоприятный случай, именно первоначально и на-

¹ *Brix*. Geschichte des alten russischen Heeres Einrichtungen, стр. 284, 287, 291.

² *Миллюков*. Государственное хозяйство, стр. 50 л., 64–65.

полнило их душу страхом. В апреле 1632 года умер Сигизмунд, и хотя Владислав и имел полную возможность неоспоримо наследовать ему, но призрак выборов, предписанных конституционным уложением страны, неизбежное установление междуцарствия, рост сопровождающей его обыкновенно анархии — все, казалось, обеспечивало успех неожиданному нападению. Быстро был созван собор. Он тоже был убежден в необходимости войны и новую армию призвали немедленно доказать свою пригодность.

Но и в самом Московском государстве было немало непорядков. Призванные исполнять главное начальство над армией, князья Дмитрий Черкасский и Борис Лыков поступили так же, как это сделали восемнадцать лет тому назад Хованский и Хворостинин. В Москве потеряли ровно два месяца, чтобы уладить их ссору, но не достигнув ничего, стали искать им преемников и остановили свой выбор только в августе на Михаиле Шеине и на Артемии Измайлове. Шейн уже прославился защитой Смоленска против поляков¹, и был поэтому назначен занять снова это место. В войске, находившемся под его начальством, было 32970 человек и сто пятьдесят восемь пушек, 3667 человек германской или шотландской пехоты и 3330 человек московской пехоты, снаряженной по германскому образцу². К нему должно было подойти значительное подкрепление из милиции, сконцентрированной в Можайске и в других местах.

V. Смоленская катастрофа

Кампания началась блестяще. Захватив последовательно Серпейск, Дорогобуж, Стародуб и другие места, Шейн и Измайлов осадили в декабре Смоленск.

Однако польский комендант не уступал по мужеству и по упорству своему московскому предшественнику и так долго выдерживал осаду, что Владислав успел за это время добиться избрания, употребить на быстрое вооружение сбережения, оставленная его отцом, вообще отличавшимся бережливостью, и явиться с 23000 армией на помощь осажденным, продержавшимся уже восемь месяцев.

Шейн был храбрым солдатом, но весьма посредственным генералом. Когда польская армия стала маневрировать с целью выбить его из занятой им удобной позиции, он не был в состоянии противопоставить ей никакой оборонительной тактики. В первые дни сентября он допустил ее захватить высоты и господствовать над ним, а в конце месяца она взяла в тылу московского войска Дорогобуж, где у Шеина был обоз. Через еще несколько дней Шейн был уже окру-

¹ Смутное время, стр. 393 и сл.

² I гix, прив. место, стр. 584.

жен и остался без провианта и фуража, в то время как польская артиллерия обстреливала его лагерь метким навесным огнем. Это был настоящей прообраз будущих событий при Ульме и Седане.

Развязка впрочем наступила не быстро: восточная медлительность затягивала дело и с той, и с другой стороны. Но в то время как поляки, подражая эпическим военным хитростям Илиады, употребляли переряженных посланцев для сообщения с осажденными, москвитянам стала давать себя знать плохая дисциплина их чужеземных наемников. Шотландец Лесли убил перед всем советом офицеров из пистолета другого полковника, англичанина Сандерсона. Новая военная организация на опыте обнаруживала серьезные недостатки.

В середине января 1634 г. Шеин вступил в переговоры с поляками и капитулировал 19 февраля на условиях, предложенных ему его противниками. Они были суровы и унижительны, но совершенно соответствовали обычаям эпохи, не представляя ровно ничего бесчестного для страны, где существует пословица: «стыд не дым, глаза не выест» и где власти, подчиняя своих подданных унижительному обращению, совсем не развивали у них особенной чуткости в этом отношении. Победенные оставили врагу весь свой боевой материал вместе со знаменами и торжественно повергли его к стопам победителей.

Филарет уже не был свидетелем поражения, хотя болезнь, обуревавшая его еще до смерти, случившейся 1 октября 1633 года, несомненно находилась в связи с разочарованием, в которое его повергло крушение его смелых планов. Напрасно Шеин ждал обещанного ему подкрепления из Москвы, а Михаил выказал непомерную строгость к старому генералу. Не считаясь с его старыми заслугами, он приказал его схватить и осудить на смерть вместе с Измайловым, а его подчиненных щедро угостить ударами кнута и подвергнуть изгнанию.

Эти репрессии были совсем не справедливы уже, потому, что как ни плачевна была катастрофа, она не имела тех последствий, которых боялись. Еще один раз Польша выказала то радикальное бессилие, в которое ее повергло разложение ее политического организма, бессилие, мешавшее ей собирать плоды побед, доставляемых ей пережитками ее военных доблестей. Победители утомились раньше побежденных, и Владислав, вместо того чтобы идти на Москву, принялся за переговоры.

Договор был заключен в Поляновке, как раз в том месте, где раньше был освобожден Филарет; 17 мая 1634 года согласились на этот раз на условиях вечного мира и в вознаграждение за одну из самых решительных удач, известных в военных анналах истории, Владислав удовольствовался лишь третьестепенным местечком Трубчевском, которое было прибавлено к его прежним приобретениям.

Так как Турция обнаруживала в это время агрессивные стремления, он почитал уже за счастье, что ему, таким образом, удастся

направить на нее все свои силы, а так как финансы его истощились, то ему было в высшей степени приятно получить 20 000 рублей из московской казны. Эта сумма не была упомянута в трактате и король, постоянно нуждавшийся в деньгах, мог употребить их на свои личные издержки. Эти условия содержали вместе с тем его отказ от притязаний на московский трон, после целого ряда тщетных просьб о том, чтобы Михаил сам перестал приписывать себе титул «Государя всея России». Пусть он ставит, «своей России», говорили совершенно справедливо поляки, так как, присоединив к Белоруссии также Красноруссию, и Малороссию, они наследовали почти целиком вотчину Ярослава и Владимира. Не добившись этого, они довольно бесчестно отказались от возвращения оригинала другого трактата, по которому в 1610 году Жолкевский добыл Владиславу корону, носимую теперь Михаилом. Бумага эта пропала, уверяли они. Таким образом ядро новых близких конфликтов продолжало быть налицо.

В данную минуту в Москве склонялись однако к тому, чтобы избегать всяких конфликтов в области внешней политики, где она пользовалась такою ничтожною удачею. В этой стране уже хорошо освоились с политикой сосредоточивания своих сил. Обострялись отношения с Турцией, благодаря казакам и татарам, сторожевым псам, которых трудно было держать на привязи.

С той и другой стороны сваливали ответственность друг на друга и одинаково плохо верили один другому. К этим нерегулярным войскам относились как к разбойникам, засыпая их однако субсидиями и поощрениями. Донские «бандиты» очень плохо понимали подобную дипломатию и в июне 1637 года, когда для *улажнения* дела условились пригласить представителей обеих стран, они быстро положили конец переговорам, умертвив турецкого посланника, Фому Кантакузена, и захватив Азов после отчаянной рукопашной битвы.

Занятый в это время войною в Персии, султан Мурад принял тем не менее мстить за это оскорбление, науськав, в свою очередь, крымских «бандитов», которые, начиная с сентября этого года, предавали огню и мечу всю московскую Украину. В мае 1641 года преемник султана, Ибрагим, явился под Азовом с огромною армией, но позорно отступил после двадцати четырех штурмов, отбитых горстью казаков, которым помогали их жены. Тогда опять произошла та же комедия; геройские защитники получили из Москвы поздравления и подарки, но как было упомянуто выше, несмотря на единогласное решение Собора, было постановлено в Кремле эвакуировать это место. Это и было исполнено.

На это решение повлияли известия из Польши. Они заставляли опасаться, что, хотя диадема Рюрика и защищалась, несмотря на катастрофу в Смоленске, с успехом против Владислава, все же она сидит не особенно крепко на голове Романовых.

VI. Появление новых претендентов

Уже в 1619 году поляки упоминали с задней мыслью о сыне Марины, спасенном от смерти. Посланный в Варшаву в 1643 году, под предлогом урегулирования границ, князь Алексей Львов получил поручение собрать об этом сведения и разоблачить субъекта, который, пробыв долго у днепровских казаков под именем Димитрия, пробрался потом в Польшу, выдавая себя за сына царя Василия Шуйского. В Москве ходили слухи, что другая такая же загадочная личность уже пятнадцать лет держится в запасе поляками в качестве предполагаемого претендента и живет в иезуитском монастыре в Бресте.

Объяснения, данные на этот счет Львову, были мало успокоительны. Предполагаемый сын Василия, говорили ему, втерся в дом государственного казначея, Яна Даниловича, велевшего его после опроса избить кнутом и выгнать, причем было неизвестно, что случилось с этим авантюристом. Ученик же брестских иезуитов был простым крестьянином, которого ради простой шутки прозвали царевичем, и он совсем и не думал воспользоваться этим титулом. Продолжая настаивать, посланец получил сведения, что этого крестьянина некоторое время величали сыном Марины. Затем он узнал еще более, обратившись к первому воспитателю мнимого царевича, игумену монастыря в Пинске, Афанасию Филипповичу, будущему ревнителю православия, принявшему потом за него венец мученичества. Воспитанника, отнятого у него иезуитами, по его словам, звали Яном Лубою. Его отец, подляхский дворянин, умер в Москве, во время польской оккупации и, приведенный в Польшу, был принят литовским канцлером, Львом Сапегою. Мальчик был очень красив и в самом деле предназначен играть роль претендента.

Дело становилось серьезным, и Львов стал энергично настаивать, чтобы мнимый царевич или был выдан ему, или немедленно казнен в Польше. После целого года утомительных переговоров он должен был удовлетвориться выходом, призванным дать повод к новым осложнениям: Лубу прикомандировали к польскому посольству, которое должно было ехать в Москву, и Львов был убежден, что самозванцу уже оттуда не удастся вырваться.

Он не принял в расчет энергии посланника Гавриила Стемпковского, который, ссылаясь на очевидную невинность своего протеже, человека ограниченного и совсем несклонного к приключениям, был готов защищать его в случае необходимости, даже с оружием в руках. Михаил и его советники совсем не думали доводить дело до подобной крайности, так как их втянули в новую и очень неприятную распрю, а вмешательство Польши только увеличило бы смуту. Они снова необдуманно увлеклись химерой семейных связей на Западе, которая, начиная с Бориса Годунова¹, являлась источником

¹ См. Смутное время.

стольких неприятностей. Даже память о них вызывала неприятные чувства. Принужденный сам удовольствоваться для себя более скромными связями, сын Филарета задумал найти более блестящую партию для своей старшей дочери, Ирины, и снова обратил свое внимание на Данию.

VII. Обручение царицы

В 1641 году Михаил принимал датское посольство, во главе которого стоял сын короля Христиана IV. То был принц лишь полуцарственного происхождения, происшедший от мorganатического брака этого государя с графиней Монк. Тем не менее к нему в Москве отнеслись как к сыну королевской крови, решив, что он подходящая партия для Ирины. Принц Вальдемар даже и не мечтал жениться в Московском государстве. Он преследовал лишь интересы коммерческого характера, но его искания в этом отношении были отклонены ввиду неудачи, испытанной недавно при аналогичной сделке. Настоятельная нужда в финансах заставила Михаила заключить договор с одной голштинской компанией, которая, за ежегодный взнос 600 000 экю, получила ту привилегию торговли с Персией, которой так тщетно добивалось столько других соискателей. Но она обанкротилась и прекратила платежи. Вальдемар воротился домой ни с чем, но следом за ним были посланы самые искусные дипломаты, которых только можно было найти в Кремле, чтобы добиться согласия Христиана на брак принца с царицей.

Ввиду рисовавшейся блестящей перспективы, король мог считать себя только польщенным подобным ходатайством, но условия предлагаемого брачного союза показались ему неприемлемыми. Вальдемару предлагали переменить веру и по тому приему, который им был сделан, посланники могли понять, как глубоко они оскорбили чувства этого принца, преданного протестантизму. У послов был приказ отказать ему показать «личность», т. е. портрет Ирины. Известно, что в московском государстве этой эпохи, как и теперь еще водится на востоке, супруг может видеть супругу в первый раз, только переступив порог брачной спальни. Московиты этой эпохи вообще не соглашались позволять рисовать или раскрашивать свои изображения из опасения колдовства. Однако в данном случае никто и не поинтересовался «личностью» царицы.

Михаил заупрямился и при посредстве маклера, жившего несколько лет в Московском государстве в качестве коммерческого агента Дании, Петра Марселеса, пошел на уступки: Вальдемару обещали в приданое Суздальское и Ярославское княжества и свободу в деле религии. Христиан, желая устроить сына, польстился на приманку, но на этот раз заупрямился уже сам молодой принц. Все, виденное им в Москве, совсем не прельщало его вернуться туда, а тем более уст-

роить себе в этой стране постоянное местопребывание. Марселис убеждал его изо всех сил, говоря, что все обойдется благополучно. Он, мол, отвечает своею головою.

— На что мне твоя голова? — возразил ему Вальдемар.

Однако он должен был уступить отцовской воле и, получив самые формальные уверения в уважении к его вере, также как и обещание соорудить храм, в котором он мог бы свободно исполнять предписания протестантизма, он в декабре 1643 года явился на границе своего нового отечества со свитой в триста человек. Он мог лишь похвалиться оказанным ему приемом; только на одной станции любители экзотической роскоши похитили украшения с его кареты. Не успел он водвориться в Кремле, как патриарх Иосиф (премник Филарета после Иоасафа) поднес ему еще более неприятный сюрприз, просто-напросто пригласив его приготовиться войти в лонно «истинной церкви». Вальдемар указал на условия, заключенные в Копенгагене. Пришлось вмешаться Михаилу. Правда, уговор гласил, что принц сохранит на этот счет полную свободу действий, но отец последнего уже успел написать, чтобы сын его подчинился воле будущего тестя. А воля последнего и заключалась в том, чтобы жених Ирины перешел в православие.

Вальдемар тем менее был склонен последовать такому аргументу, что ему был на руку всякий предлог порвать ненавистный для него союз. Тщетно ему расхваливали прелести царевны. Он мог убедиться в этом только, став ее мужем, и должен был верить на слово, что невеста отменно прекрасна и по своему образованию совсем не походит на других русских девушек. Никогда она не упивается допьяна. Скромная и разумная во всем, всю жизнь она ни разу не была пьяна!

Несмотря на все эти лестные перспективы, мятежный жених боролся пять месяцев, желая добиться отставки. Потеряв, наконец, терпение, он в мае пытался бежать, пробивая себе дорогу со шпагой в руке, но был только избит, убив одного стрельца. Христиан IV снарядил после этого два последовательных посольства, чтобы или добиться совершения брака соответственно уговору, или возвращения принца, но и они не имели лучшего успеха. В дело вмешалась и Польша, боясь распри с Данией, сблизившей бы Москву со Швецией, тщетно также, и Вальдемар пошел на уступки. Он согласился на то, чтобы его дети сделались православными, и обещал соблюдать православные посты настолько, «насколько ему позволит его здоровье». Михаил не хотел ничего слушать и до самой смерти так и не уладил этого дела.

12 июля 1645 года Михаил скончался от разрыва сердца. Единственному, оставленному им сыну, Алексею, было шестнадцать лет.

Царствование первого Романова нельзя причислить к блестящим эпохам истории русской нации, и его личность не фигурирует в ней с особенным блеском. Тем не менее это царствование, благодаря

главным образом Филарету, оберегавшему страну от непоправимых катастроф и ведшему ее по пути лучшего будущего, знаменует собою период возрождения, значение которого не оценено достаточно и до сих пор. Оно было во всех отношениях эпохой Реставрации.

VIII. Реставрация

Такое определение не преувеличено. Правление Михаила или скорее Филарета, так как и после смерти отца сын шел по его стопам, обозначает прежде всего решительный возврат к традиции в вопросе о верховной власти. Впрочем, аристократия уже была не в состоянии разделять с царем власть по старой официальной формуле, уже достаточно поколебленной Грозным. После опричнины¹, Смутное время довело боярство до полного упадка. Среди фамилий, которые могли еще предъявлять свои права на соучастие в правлении, Романовы не имели соперников. Годуновы находились в ссылке, Шуйские и Мстиславские исчезли путем истребления, самые энергичные среди Голицыных только что погибли. Кроме того, события конца шестнадцатого и начала семнадцатого века только ускорили эволюцию, которую можно было предвидеть в этой сфере с самых древних времен. А в середине пятнадцатого века она уже ясно вырисовывалась в недрах образующегося Московского государства. Рядом с первыми «собирателями земли русской», их некогда свободные сотоварищи, князья и бояре, не имели уже средств для восстановления прав, постепенно утраченных вместе с их самостоятельностью и состоянием. Последнее уменьшалось благодаря раздроблению наследий, а первую они не могли стойко защитить. Их вотчины, постоянно становившие все меньше, вассальные клиенты, когда-то составлявшие их силу, оставляли обедневших сеньоров. За отсутствием майоратов, великий князь Московский стал скоро один владеть значительным количеством земель и, распределяя их между своими слугами (служилыми) в виде пожизненных владений чего-то вроде уделов (поместий), один он располагал средствами заставить признать свой авторитет, стараясь, естественно, чтобы у него не было никакого соперника.

Для этих служилых людей вопрос о поместье, забота добыть и сохранить за собою благоволение их распределителя, царили надо всяким другим интересом. В самый разгар недавнего кризиса обедневшие князья и бояре старались поправить свое положение, навязав хартию Шуйскому. Но, запершись в Москве благодаря восстанию низов, лишённые власти поляками и, наконец, окончательно побитые казаками, они уже были не в состоянии бороться. Честь изгнания

¹ См. Валишевский. Иван Грозный.

поляков и подавления народного бунта выпала на долю хозяев поместий и жителей городов.

Выдвинутые таким образом вперед, оба эти класса могли бы в свою очередь противопоставить всемогуществу государя страшный противовес. Но не говоря уже о том, что кризис, разоряя их, обессилил их временно, они были разъединены, даже враждовали друг с другом. Городскому населению приходилось всегда жаловаться на воевод и старост, теснивших их и ужасно эксплуатировавших. Они могли находить защиту от них лишь у царя, а эти угнетатели выходили как раз из служилых людей.

Благодаря всем этим причинам, молодая династия Романовых, несмотря на свое происхождение и шаткое видимое положение, могла не только поддержать, восстановив вполне, незыблемость самодержавного принципа, но еще и усилить его. Не будучи в состоянии противостоять против растущего превосходства Романовых, старая аристократия могла лишь утешаться ревнивым и угрюмым обереганием единственной оставшейся ей привилегии, брошенной ей как кость голодной собаке — а именно, считаться друг с другом из-за старшинства и первенства. Поэтому, как раз накануне своей отмены, местничество достигло необыкновенного развития.

Мы уже видели, как во время конфликта с Польшею, претензии на право главенствующего в двух случаях повредили военным действиям. В присутствии государя, вышедшего из второстепенной фамилии, они были причиною постоянно дерзких, но и постоянно бесплодных споров. И такой характер и остался за ними.

Так однажды на придворном обеде один из Романовых, дядя правящего царя, уступил первое место Мстиславскому, а второе место у него уже оспаривал Лыков.

На другое утро, когда государь принимал одного иностранного посланника, рынды, обязанные стоять с топорами у трона, отсутствовали из-за подобного же спора, и метрдотель скорее бы согласился дать отрубить себе руку, чем фигурировать в процессии вместе с камер-лакеем, которого он считал недостойным подобного ранга¹.

Чтобы прекратить такие выходки, даже кроткий Михаил не колебался сам прибегать к кнуту, но, соблюдая семейные интересы, бояре охотно предпочитали смерть оскорблению подобного рода, в силу царящих принципов распространявшегося на все их родство.

Привыкшие к ударам кнута, они боялись гораздо более другого наказания, считавшегося самым строгим из числа употребляемых обыкновенно государем. Виноватый в нарушении правила местничества выдавался сопернику «с головою». То была совершенно дет-

¹ Соловьев. История России, т. IX, стр. 363, 364, 371. Зарни в «Архиве исторических и юридических наук», т. III, 1 часть, стр. 21.

ская церемония: обидчик должен был в сопровождении провожато-го отправиться к обиженному. Приведенный к нему, он отвешивал глубокий поклон, и уезжал, не имея права сойти с коня или сесть в колымагу во дворе посещаемого им дома, причем вся эта процедура сопровождалась самою грубою бранью.

На деле государи поощряли эти наглые выходки. В них их естественные противники употребляли в дело все то, что им оставалось от прежней силы и престижа. Тяжелое положение Михаила заключалось в другом. Аристократия разлагалась, да и в целой стране было положительно нечем жить. Споря о местах, князья и бояре делали упушения в командовании армиями и в начальстве над крепостями, порученными им, а случалось и так, что не над кем им было командовать. В области Новгорода в 1626 году было еще 2 752 человека способных носить оружие, но в Ладоге их оставалось едва 289, в Порхове всего только 75 и 70 в Старой Русе.

Не было ни солдат, ни денег. Для производства набора и сбора податей, наложенных Собором, были посланы во все стороны бояре с писцами и контролерами или дозорщиками. Они были уполномочены переписать подданных годных для службы и расследовать положение плательщиков податей, упорядочивая распределение поместий и устанавливая правильную раскладку налогов. Увы! всеобщий беспорядок, подкупность, приставленных к этому делу чиновников и истощение страны обратили в ничто эти попытки, сделали недействительными расчеты и самые суровые репрессивные меры. Так, один сборщик, посланный в Белозерскую область, оправдывался следующим образом: побивая кнутом чуть не до смерти упорных должников, он некоторое время держал их начеку, но уже ничего не мог поделывать, когда появились поляки, даже кнут не давал уже ровно никаких результатов¹.

Почти в таком же положении находилась Франция после религиозных войн.

До приезда Филарета правительство Михаила было бессильно бороться с такими трудностями. Но в этот момент, к счастью, почувствовался импульс, более энергичный и более искусный, в области внутренней политики.

IX. Реорганизация администрации

Уже в июне 1619 года Собор должен был принять ряд важных решений: установление нового инвентаря земель, обремененных налогами, чтобы собрать более или менее оправдываемые опустошениями войны недоимки; меры для возвращения бежавших плательщиков

¹ Соловьев, прив. место, т. IX, стр. 391.

(тяглых), преследование за злоупотребления властью, совершенные «служилыми людьми» в качестве чиновников всякого рода. Создание специального департамента прошений (буквально, жалоб против сильных людей, «приказа, что на сильных людей челом бьют») — кажется, явилось результатом этой инициативы.

В то же самое время сознали необходимость установить правильную государственную роспись доходов и расходов, и Москва, таким образом, получила свой первый бюджет.

По поводу же злоупотреблений чиновников было приказано сделать розыск в связи с одновременно выплывшей задачей фундаментальной реорганизации всей провинциальной администрации. Слабость контроля свыше и отсутствию внизу сильных местных коллективов отдавали беззащитных, ими управляемых, людей полному произволу представителей центральной власти, изошрявших в невероятных выходках насилия. Как, впрочем, и во Франции, да и в других странах Европы, несмотря на уже ярко выраженную централизацию, административная организация не отвечала никакому однообразному типу. Чтобы уменьшить злоупотребления, Иван IV дал полномочие иным обществам самим избирать себе правителей¹.

Но этот зародыш самоуправления не имел общего применения. В силу ли своей беспечности, или по недоверию, общины местами сами уклонялись от этой своей пользы и, отдав среди кризиса главенство военной диктатуре воевод, избранные власти почти отсутствовали, особенно пострадала их уголовная юрисдикция, выполняемая губными старостами.

Отсюда усилились беспорядки и лихоимство, особенно в отдаленных местах. Так, в Мангазее в Сибири двое воевод, Андрей Палицын и Григорий Кокорев, запятнали себя целым рядом гнусностей, причем один из них отличался тем, что прикарманивал подати, собираемые под аккомпанемент палочных ударов, а другой заставлял своих подчиненных пьянствовать ежедневно в его собственном кабаке. В 1621 году был послан общинам циркуляр, запрещающий вымогать магарычи и неправильную барщину, но результат можно было заранее предвидеть, и в 1627 году поворот в сторону политики «Грозного» усилил власть губных старост, так что в их руках теперь сосредоточилось постепенно все местное управление.

К несчастью помощь со стороны заинтересованного населения отсутствовала еще. Некоторые области и города, как и раньше, мешкали приступить к подобной организации, другие гнушались ее, утверждая, как это было с Дмитриевым и Кашиным в 1644 году, что администрация воевод лучше. На деле, собственно говоря, свободный выбор властей был почти фиктивным в большинстве случаев, отчас-

¹ См. Иван Грозный.

ти потому, что центральная власть вмешивалась и нарушала принцип этого института, отчасти потому, что сами избиратели были неспособны им воспользоваться. Такое явление имело место и в более близкую от нас эпоху, и в конце концов воеводы одержали победу. Во всех странах, где пустил корни деспотизм, он достигает наибольшей силы и прочности существования, отнимая у подчиненных вкус к свободным нравам, как и необходимое умение воспользоваться последними.

Центральная администрация не могла похвастаться последовательностью в этом отношении. Ей самой было необходимо реорганизоваться, и хотя Михаил и Филарет во многих отношениях столкнулись с совершенно новым положением дел, они, тем не менее, не замыслили сыграть в этой сфере роль новаторов. Обычную их заботой являлось привести все в порядок, и им казалось наиболее отвечающим этой цели приложение старых формул даже там, где они видели развитие в политической, экономической и социальной жизни страны. Они совсем не коснулись Приказов, удовольствовавшись лишь умножением числа этих учреждений путем их расчленения и специализации их в каждом отдельном департаменте той или другой группы дел. Эта мера увеличила кадр чиновников, уже установленный ранее.

Таким образом, впрочем, и в наши дни еще, в других странах, зарождаются новые министерства.

Но какова бы ни была административная организация Московского государства, местная или центральная, она, сохраняя как организация фискальная классовый характер, породила и другие затруднения. Классы чувствовали на себе общее расстройство. С этой стороны задача разрешения кризиса сводилась к двум различным целям; к правильному распределению территориальных назначений между «служилыми людьми» и к установлению правильных отношений между этими владельцами земли и работниками на этой земле — крестьянами. Большое число служилых не имело с момента кризиса никакого надела; большое число надельных земель было обращено в пустыню, что для их владельцев было равносильно их отсутствию; наконец большое число казенных земель и других, подчиненных цензу, «черных земель», произвольно были обращены в свободное владение.

Вот на этот-то последний пункт, особенно, конечно, чувствительный с точки зрения интересов государства, и были главным образом обращены усилия Филарета. Известно, как в Швеции, почти в ту же эпоху и при почти тождественных обстоятельствах, «редукция», внезапно произведенная Карлом XI, привела в борьбе, разгоревшейся по этому поводу между государем и дворянством, к временно полному триумфу абсолютизма. Не приняв такой насильственной формы, труды московской ревизии, произведенной от 1629 по 1636 г. и кончившейся изданием постепенно принятых мер (Поместное Уложение), однако имели аналогичную цель.

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Предисловие 7

Часть первая. РОССИЯ XVI ВЕКА

Глава первая. СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

I. Древняя и новая Россия. — II. Территория. — III. — Общественные классы. Аристократия. — IV. Политический и общественный строй. Происхождение абсолютизма. — V. Крестьяне. — VI. Несвободное население. — VII. Городское население. — VIII. Церковь 12

Глава вторая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

I. Центральная власть. — II. Организация областного управления. — III. Местничество. — IV. Община. — V. Организация суда и законодательства. — VI. Экономический строй. — VII. Финансы 45

Глава третья. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

I. Причины слабости. — II. Умственные течения. — III. Литература. — IV. Искусство. — V. Преобразовательное движение 70

Глава четвертая. НРАВЫ

I. Внешний вид и моральная сторона. — II. Женщина. — III. Семья. — IV. Общество 97

Вторая часть. ЮНОСТЬ ИВАНА

Глава первая. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

I. Рождение Грозного. — II. Правление бояр. — III. Женитьба и венчание на царство. — IV. Сильвестр и Адашев. — V. Первый собор. — VI. Русский парламентаризм 118

Глава вторая. ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

I. Преобразовательные течения. — II. Новый закон. — III. Реорганизация службы. — IV. Религиозная реформа . . . 141

Глава третья. ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

I. Остатки монгольского царства. — II. Войско Ивана. — III. Взятие Казани. — IV. Последствия. — V. Взятие Астрахани. — VI. Казаки. — VII. Крым и Ливония 157

Глава четвертая. ЗАВОЕВАНИЕ ЛИВОНИИ

I. Исторические прецеденты. — II. Ливония в XVI веке. — III. Московское завоевание. — IV. Вмешательство Европы . . . 173

Глава пятая. БОРЬБА ИЗ-ЗА ГОСПОДСТВА НАД БАЛТИЙСКИМ МОРЕМ

- I. Швеция и Польша. — II. Коалиции. — III. Расстройство союзов. Магнус. — IV. Кандидатура Ивана на польский престол. — V. Избрание Батория* 186

Часть третья. КРИЗИС

Глава первая. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

- I. Конфликт идей и принципов. — II. Опала Сильвестра и Адашева. — III. Бегство Курбского* 209

Глава вторая. ОПРИЧНИНА

- I. Вымысел и действительность драмы. — II. Террор. — III. Царь Симеон. — IV. Историческая оценка опричнины* 228

Глава третья. АНГЛОМАНИЯ ГРОЗНОГО. ИВАН И ЕЛИЗАВЕТА

- I. Первые англичане в России. — II. Проекты союза. — III. Проект брака. — IV. Мария Гастингс. — V. Голландское соперничество и разрыв* 260

Часть четвертая. ОКОНЧАНИЕ

Глава первая. ПОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ. БАТОРИЙ

- I. Баторий. — II. Столкновение. — III. Польская армия. — IV. Московская армия. — V. Взятие Полоцка. — VI. Поляки в Московском государстве. — VII. Дипломатическое посредничество. — VIII. Осада Пскова* 281

Глава вторая. ПОТЕРЯ ЛИВОНИИ. РИМ И МОСКВА

- I. Миссия Шевригина. — II. Папское посредничество. — III. Ян-Запольское перемирие. — IV. Посевин в Москве. — V. После перемирия* 304

Глава третья. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ. ЕРМАК

- I. Покорение и колонизация. — II. Строгановы. — III. Казаки. — IV. Ермак в Сибири* 322

Глава четвертая. ДВОР И ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ГРОЗНОГО

- I. Двор. — II. Александровская слобода. — III. Домашняя жизнь Ивана. — IV. Семья царя* 330

Глава пятая. ЛИЧНОСТЬ ГРОЗНОГО И ЕГО ДЕЛО

- I. Смерть. — II. Характер и темперамент. — III. Познания и ум Ивана. — IV. Идеи и чувства. — V. Итоги царствования* 350

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Часть первая. УГАСАЮЩАЯ ДИНАСТИЯ

- Глава первая. НАСЛЕДСТВО ГРОЗНОГО 377
 Глава вторая. ДРАМА В УГЛИЧЕ 403
 Глава третья. НОВАЯ ДИНАСТИЯ 422

Часть вторая. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

- Глава четвертая. ВЫХОДЕЦ С ТОГО СВЕТА 452
 Глава пятая. ПОБЕДА ПРЕТЕНДЕНТА 493

Глава шестая. НА ВЫСОТЕ	517
Глава седьмая. КАТАСТРОФА	546

Часть третья. СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Глава восьмая. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ	564
Глава девятая. ДВЕ СТОЛИЦЫ	595
Глава десятая. ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОЛЬШИ	620
Глава одиннадцатая. ПОЛЯКИ В МОСКВЕ	651

Часть четвертая. НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЙНА

Глава двенадцатая. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ	670
Глава тринадцатая. ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ СМУТЫ	684
Глава четырнадцатая. ОКОНЧАНИЕ КРИЗИСА	702

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ

Первая часть. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

<i>Предисловие</i>	739
Глава первая. ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ. МИХАИЛ ФЕОДОРОВИЧ <i>I. Первый Романов. — II. Наследие Смутного времени. — III. Мир со Швецией. — IV. Договор с Польшей.</i>	743
Глава вторая. РЕСТАВРАЦИЯ <i>I. Двуглавое правительство. — II. Брат Михаила. — III. Дипломатическая кампания. — IV. Опыт военной реформы. — V. Смоленская катастрофа. — VI. Появление новых претендентов. — VII. Обручение царевны. — VIII. Реставрация. — IX. Реорганизация администрации. — X. Социальная и экономическая эволюция. — XI. Прогресс</i>	755
Глава третья. ОТЕЦ ПЕТРА ВЕЛИКОГО <i>I. Восшествие на престол Алексея. — II. Московская Фронда. — III. Церковный реформатор Никон. — IV. Новое Уложение. — V. Бунт в Пскове и в Новгороде. — VI. Апофеоз Московского патриархата. — VII. Монетный кризис</i>	782
Глава четвертая. ЦАРЬ И ПАТРИАРХ <i>I. Никон. — II. Ссора. — III. Борьба. — IV. Процесс патриарха. — V. Ссылка</i>	805
Глава пятая. БУНТ СТЕНЬКИ РАЗИНА <i>I. Казаки. — II. Донское войско. — III. Стенька Разин. — IV. Персидская эпопея. — V. Диктатура Стеньки. — VI. Восстание. — VII. Казачье правительство. — VIII. Поражение. — IX. Конец «счастливых времен». — X. Легенда о Стеньке. — XI. Астраханское безумство</i>	834
Глава шестая. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСЕЯ <i>I. Победа самодержавного принципа. — II. Приказ тайных дел. — III. Русский парламентаризм. — IV. Законодательство. — V. Административная организация. — VI. Фискальный режим. — VII. Экономическая и социальная эволюция. — VIII. Военная реформа. — IX. Создание флота</i>	863

Глава седьмая. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- I. Московская дипломатия. — II. Первый русский канцлер. — III. Англо-голландское соперничество. — IV. Первые посольства во Франции. — V. Отношения с Италией. — VI. Шаги на Востоке. — VII. Завоевание Сибири. — VIII. Первые сношения с Китаем. — IX. Политика расширения 890*

Часть вторая. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ

Глава восьмая. ПОЛЬСКО-РУССКАЯ УКРАИНА

- I. Украина. — II. Смешение рас. — III. Украинские казаки. — IV. Запорожские рыцари. — V. Польская культура. — VI. Украинская проблема. — VII. Национальный и религиозный вопросы 911*

Глава девятая. КОНФЛИКТ

- I. Победа плуга и реванш сабли. — II. Две Церкви и две культуры. — III. Обращение к Москве. — IV. Хмельницкий. — V. Великий проект Владислава IV. — VI. Катастрофа 934*

Глава десятая. ВМЕШАТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

- I. Страшный год. — II. Проект империи. — III. Поражение казаков. — IV. Подчинение Москве. — V. Польский разгром. — VI. Поворот счастья 955*

Глава одиннадцатая. РАЗДЕЛ

- I. Наследие Хмельницкого. — II. Два берега Днепра. — III. Раздел. — IV. Падение 980*

Часть третья. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Глава двенадцатая. РЕЛИГИОЗНЫЙ КРИЗИС

- I. «Третий Рим». — II. Греческий клир в Москве. — III. Наука и традиция. — IV. Реформа. — V. Бунт — VI. Крещение кровью 994*

Глава тринадцатая. РАСКОЛ

- I. Начало раскола и его причины. — II. Характерные черты. — III. Апостольство Аввакума. — IV. Женский элемент в расколе. — V. Развитие раскола. — VI. Секты. — VII. «Конец мира» 1008*

Глава четырнадцатая. МОРАЛЬНЫЙ КРИЗИС

- I. Нравы. — II. Просвещение. — III. Две школы. — IV. Приобщение к европейской жизни. — V. Развитие литературы. — VI. Искусство. — VII. Революционный дух. 1044*

Глава пятнадцатая. ВТОРОЙ РОМАНОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

- I. Темперамент и характер Алексея. — II. Его ум. — III. Его двор. — IV. Его приближенные. — V. Его наследие. — VI. Восшествие на престол Феодора. — VII. Конец Никона. — VIII. Правление фаворитов. — IX. Первый удар мотыгой. — X. Общий взгляд. 1076*